

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

**УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
ИТТСПИ**

2021 №1

УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
НТГСПИ

SCIENTIFIC
NOTES
OF NTSSPI

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НТГСПИ

Серия: История и филология

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Нижнетагильского государственного
социально-педагогического института

2021

№ 1

SCIENTIFIC NOTES OF NTSSPI

Series: History & Philology

JOURNAL

published by Nizhny Tagil
State Social Pedagogical
Institute (NTSSPI)

2021

NUMBER ONE

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Мезенцев В. Ф.

Реакция британского общества на начало второй мировой войны.....	8
---	---

ФИЛОЛОГИЯ

Ли М., Солопова О. А.

Китай как сфера-мишень метафорической экспансии в современном китайском политическом дискурсе.....	21
--	----

Дондик Л. Ю.

Коммуникативные стратегии в фильмонимах русского и французского кинодискурса.....	35
--	----

Вахмянина Е. А.

Метафоры из сферы-источника «Механизм» как способ концептуализации инцидента в Солсбери в СМИ России и Великобритании.....	46
--	----

Грошева А. В.

Эстетическая оценка В. В. Путина в СМИ ФРГ и Великобритании.....	59
---	----

Боровкова Е. Р.

Фонетические особенности англоязычных рок-песен (на примере текстов групп Queen и Fall Out Boy).....	71
---	----

Ромейко А. С.

Словосложение как способ пополнения лексики современного английского языка (на примере текстов Интернет-контента).....	85
--	----

Информация для авторов.....	98
-----------------------------	----

CONTENTS

HISTORY

Mezentsev V. F.

British public reaction to the outbreak of World War II.....	8
---	---

PHILOLOGY

Li M., Solopova O. A.

China as a target domain of metaphoric expansion in contemporary Chinese political discourse.....	21
--	----

Dondik L. Yu.

Communicative strategies in film titles in Russian and French cinematic discourse.....	35
---	----

Vakhmyanina E. A.

Metaphors from the source domain "Mechanism" as a tool for conceptualizing the incident in Salisbury in the Russian and Great Britain media.....	46
--	----

Grosheva A. V.

Aesthetic evaluation of V. V. Putin in the German and UK media.....	59
--	----

Borovkova E. R.

Phonetic features of English rock songs (based on the lyrics of Queen and Fall Out Boy).....	71
---	----

Romeyko A. S.

Word-composition as the way of replenishing the vocabulary of present-day English (the case study of Internet content).....	85
---	----

Submission Guidelines.....	98
----------------------------	----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ

Члены редколлегии

Аникина Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ.

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Кириллов Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ.

Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

Ларионова Марина Бариевна, кандидат исторических наук, зав. кафедрой документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Ольховиков Константин Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Рыжкова Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ.

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НТГСПИ (ф) РГППУ.

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Чудакова Наиля Муллахметовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Editor-in-Chief

Budaev E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University

Editorial Board

Anikina T. V., Candidate of Philological Sciences, Head of Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Chudakova N. M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Chudinov A. P., Doctor of Philological Sciences, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University.

Dzyuba E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University.

Kirillov V. M., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Kushneruk S. L., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Theory and Practice of the English Language, Chelyabinsk State University.

Larionova M. B., Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Document Studies, History and Legal Enforcement, Russian State Vocational Pedagogical University.

Neklyudov E. G., Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher of Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

Olkhovikov K. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Porshneva O. S., Doctor of Historical Sciences, Head of Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Ryzhkova O. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Serikov Yu. B., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Solopova O. A., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University (National Research University).

ИСТОРИЯ

УДК 94(420).085

РЕАКЦИЯ БРИТАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. Ф. Мезенцев

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
vicmir10@gmail.com

Аннотация. В статье предпринята попытка охарактеризовать реакцию британского общества на вступление страны во вторую мировую войну осенью 1939 года. Впервые в отечественной историографии на основе комплексного анализа разнообразных источников, отражающих мнения различных кругов британской общественности (отчеты о парламентских дебатах, пресса, данные социологических исследований, дневники и мемуары современников), реконструируется картина представлений о характере и целях войны, мотивов и настроений британцев в этот период. Результаты исследования показывают, что вступление в войну с Германией сопровождалось существенным сдвигом в позициях британского общества в отношении агрессивных действий Гитлера в Европе. Несмотря на сохраняющиеся колебания, относительно определения целей начавшейся войны, из сопоставительного анализа различных источников выявляется возникший в общественном мнении Великобритании в первые месяцы войны консенсус по основным вопросам внешней политики страны.

Ключевые слова: Великобритания, вторая мировая война, общественное мнение.

1. Введение

Вторая мировая война занимает в исторической памяти британского общества значительное место. Восприятие нынешним поколением британцев этого события XX века основано на опыте, границы которого выходят далеко за хронологические рамки самой войны. Послевоенные десятилетия сформировали тот образ войны, который присутствует в самых различных формах репрезентаций (публично-политических, просветительских, учебных), и который отражает противоречивую рефлексию трансформирующегося британского общества относительно своего прошлого [Мезенцев, 2020].

Позднейшие наслоения памяти делают актуальным реконструкцию отношения британского общества к этой войне непосредственно таким, каким оно было в самом её начале.

Цель данной статьи — представить совокупность мнений, чувств и настроений, отражающих реакцию на вступление Великобритании в войну с Германией в сентябре 1939 года.

2. Материал и методика исследования

Основными источниками для воссоздания этой картины выступают свидетельства, непосредственно фиксировавшие реакцию современников на развивающиеся события. Помимо парламентских документов и периодики использованы данные социологических исследований, именно в этот период получивших свое развитие. Дополняют и вносят в нее важные штрихи современные воспоминания очевидцев и участников событий того времени.

Все источники личного происхождения по своей природе имеют субъективный характер и при анализе требуют осторожности и учета всего контекста их происхождения. Тем не менее, их комплексный анализ, сопоставление данных различного происхождения дают возможность для выявления внутренней стороны исторических событий и процессов.

3. Анализ

На восприятие подданными британской короны начавшейся войны оказывал огромное воздействие опыт предшествующих десятилетий. Для тех, кто в 1939 году были уже взрослыми, начавшаяся война была второй мировой войной на их памяти. Горечь от потерь предыдущей войны была еще очень свежа, чтобы не оказывать влияния на восприятие тех событий, которые привели к новой войне [Clarke, 2004]. С самого начала международного кризиса, который завершился вступлением Соединенного королевства в вооруженную борьбу с нацистской Германией, именно этот опыт оказывал воздействие на проведение внешней политики британского правительства, известной как политика «умиротворения» Гитлера (Rose, 2004).

Один из современников вспоминал о начальных днях войны, что «всего за год, или около того, он [Чемберлен] вернулся после встречи с Гитлером со своим теперь уже знаменитым листком бумаги, обещающим нам «мир сейчас». Он спас нас тогда к нашему большому облегчению, и была надежда, что он сделает это снова — к еще большему облегчению. Я не припомню никого, кто действительно бы предвкушал войну» [York, 2005].

Драматически развивающиеся события европейской политики 1938-1939 гг. создали в британском обществе довольно напряженную ситуацию. Ощущение нарастающей угрозы войны, вызванное агрессивными действиями Гитлера, определяли атмосферу последних предвоенных месяцев.

Как вспоминали современники, эти дни были наполнены тревогой и той усталостью от кризисов, когда люди решаются идти навстречу

страшному, чтобы не ожидать его прихода в бесконечном мучении [Lee, 1963, с. 208; Panter-Downes, 1972, с. 3; Murrow, 1941, с. 4].

В парламентских выступлениях, в письмах от читателей, публиковавшихся в газетах, в разговорах на улицах — везде проявлялась убежденность в необходимости противостояния агрессии.

Исследование общественных настроений, проведенное созданной в 1935 г. организацией «Масс обсервейшен» накануне и в первые месяцы войны, дает картину сложных и противоречивых чувств, которые владели британцами в преддверии второй мировой войны. Еще 29 августа многие полагали, что существует возможность разрешения кризиса мирным путем, и война не неизбежна [Mass Observation, 1940, с. 28].

30 августа одна из наблюдательниц этой организации записывает в дневнике: «Чувства все еще не определились... в иной момент существует уверенность, что мы должны выступить, затем вновь возвращается сомнение, должны ли мы воевать из-за Польши» [Mass Observation, 1940, с. 29].

По данным «Масс обсервейшен», на каждого человека, кто считал войну неизбежной, приходилось двое, кто говорил, что ее не будет [Mass Observation, 1940, с. 30].

Представления, что войны не будет, были связаны не с сомнением в готовности страны выступить, а с убеждением, что Гитлер лишь угрожает войной, но на самом деле не решится её начать [Weymouth, 1948, с. 39]. Опрос, проведенный 31 августа 1939 г., показывал, что большинство высказывавшихся полагали, что Гитлер «блефует» [Mass Observation, 1940, с. 30].

После вторжения германских войск в Польшу подавляющее большинство англичан быстро определилось в своем отношении к создавшейся ситуации. «Общее настроение состоит в том, что война близка, и каждый думает об этом спокойно». «Большинство людей испытали облегчение от того, что произошло нечто определённое. Шутки по поводу войны» [Mass Observation, 1940, с. 34]. Американская журналистка, наблюдавшая за событиями этого времени в Лондоне, свидетельствует, что после известия о нападении на Польшу все из опрошенных ею на улице прохожих однозначно считали, что это означает войну Британии против Германии» [Kirkpatrick, 1939, с. 334].

Еще до нападения на Польшу был проведен опрос об отношении к возможной войне. Были заданы вопросы: «Вы будете рады или опечалены, если сейчас начнется война?» и «Как вы думаете, должны ли мы принять её, или лучше что угодно, кроме войны?». Только 2% из опрошенных определенно сказали, что они будут рады, если война начнется. 43% сказали, что готовы вступить в войну. 7% заявили, что мы не должны уступать Гитлеру ни при каких обстоятельствах. Ещё 5% считали, что в текущих обстоятельствах вряд ли что-нибудь может быть лучше войны.

34% полагали, что ничего не может быть хуже войны. 9% затруднились с ответом. Составители этого обзора мнений отмечают, что разница в ответах между мужчинами и женщинами была незначительной, хотя во время предыдущих кризисов женщины были настроены более пацифистски [Mass Observation, 1940, с. 39].

Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 года создало для британского правительства чрезвычайно затруднительную ситуацию. С одной стороны, кабинет Н. Чемберлена не исключал возможность как-то предотвратить нарастающую угрозу войны, но с другой стороны, дальнейшие уступки Гитлеру стали невозможными из-за все более растущего осознания безуспешности прежней политики умиротворения.

2 сентября своим выступлением в парламенте премьер-министр породил ощущение, что со стороны британского правительства не исключается повторения Мюнхенского соглашения. Это вызвало острую реакцию со стороны парламентариев. В духе возмущения сделал свое заявление заместитель лидера лейбористской фракции в палате общин А. Гринвуд. При этом, когда он в начале своей речи сказал, что он желает выступить от имени оппозиции, раздались возгласы поддержки со стороны консерваторов: «Говори от имени Англии» [Dalton, 1987, с. 291].

А. Гринвуд призвал правительство определиться: «Я удивлен тем, как долго мы собираемся колебаться, когда уже вся Британия готова выступить и когда вся человеческая цивилизация находится в опасности». [PDHC, 1939, с. 280-281]. Примечательным является то, что это выступление приветствовала не только оппозиционная лейбористская сторона, но и представлявшие противоположную сторону депутаты. В своем дневнике Г. Николсон так описывал реакцию на выступление премьер-министра в парламенте: «На какое-то мгновение вся Палата замерла от удивления. Неужели возможен еще один Мюнхен? После этого поднялся Гринвуд. По его мнению, заявление премьер-министра неприемлемо, возникает ощущение, что умиротворение возвращается. Ему аплодировали его однопартийцы, что естественно. Вызывает изумление, что его выступление встретило новую и еще большую волну одобрения в наших рядах [т.е. консерваторов]. <...> Это было удивительное представление» [Nicolson, 1980, с. 158-159]. Речь Гринвуда была встречена в стране таким же одобрением, как и в парламенте [Kirkpatrick, 1939, с. 337].

3 сентября в 11 часов 15 минут Невилл Чемберлен выступил по радио и объявил о вступлении страны в войну против Германии. Заканчивая свое выступление, он сказал: «нам предстоит бой со страшным злом — грубой силой, извращенной верой, несправедливостью, угнетением и гонениями; убежден, однако, что правое дело одержит вверх» [Morgan, 1993, с. 11]. Через несколько минут после его выступления британцы услышали первый в этой войне сигнал воздушной тревоги, как потом выяснилось, ложный [Calder, 1969, с. 10].

Реакция на эту первую, хоть и ложную тревогу определялась теми знаниями, которые были уже получены британцами ранее. В сюжетах киножурналов до этого неоднократно демонстрировались картины воздушных бомбардировок в Испании и Китае, и ощущение угрозы с воздуха было знакомо достаточно широкому кругу. «Мы уже в течение некоторого времени смотрели в кинотеатрах новостные ленты о бомбардировках городов во время Гражданской войны в Испании, поэтому у нас было четкое представление о том, что произойдет, если начнется война с Германией», — вспоминала одна из современниц [The Hodges Family].

В тот же день заявление о вступлении в войну было сделано и в парламенте. Говоря о настроении в парламенте и в стране, А. Гринвуд отметил, что за ночь оно совершенно изменилось. «Этим утром мы встретились в совершенно иной атмосфере — атмосфере облегчения, сдержанности и решимости [PDHC, col. 293-294]. Лидер фракции либералов А. Синклер заявил, что «пусть весь мир знает, что британский народ решительно настроен, как сказал премьер-министр, покончить с нацистским господством навсегда и построить порядок, основанный на справедливости и свободе» [PDHC, col. 298]. У. Черчилль в своем выступлении подчеркнул: «Мы боремся не за Данциг, мы боремся за то, чтобы спасти мир в целом от чумы нацистской тирании и защитить все, что есть святого для человека» [PDHC, col. 311].

Были и противоположные мнения. Против вступления в войну высказались представлявший Независимую лейбористскую партию Дж. Макговерн и лейборист Дж. Лэнсбери. Первый в своем выступлении в частности сказал: «...несомненно, общественное мнение сейчас в пользу правительства. Это общественное мнение сильно и едино, но последующие затем трагедии приведут к тому, что оно не будет таким определяющим и таким сильным». Лэнсбери призвал к тому, чтобы обратиться к Германии и другим странам с предложением запретить применение военной авиации и выразил сожаление, что «мы живем в дни, когда используется это отвратительное оружие» [PDHC, col. 317, 322].

Одна из современниц вспоминала о дне 3 сентября: «После того как мы с бабушкой и дедушкой оправились от шока, вызванного первым предупреждением о воздушном налете, за которым последовал сигнал отбоя, и поняли, что это была ложная тревога, мы закончили готовить наш воскресный обед. Но мы также понимали, что этот день, 3 сентября 1939 года, был днем, который изменил наш мир, и мы знали, что все уже никогда не будет прежним. Последующие недели прошли без происшествий, без воздушных налетов, и это затишье стало известно как «странная война». Дети стали возвращаться из эвакуации. Кинотеатры и театры вновь открылись, там шли представления, которые должны были поднять моральный дух населения» [Excerpts from a «Memoir»].

Современница, которой в начале войны было 19 лет, вспоминала: «В ту ночь [3 сентября] зазвучали сирены воздушной тревоги, за которыми вскоре последовал сигнал отбоя. Раздался громкий вздох облегчения, хотя люди моего поколения не понимали, что на самом деле означает война, в отличие от наших родителей. Некоторое время было объявлено об угрозе газовых атак, но это тоже оказалось ложной тревогой, но мы были осведомлены, что это может быть. По всему Лондону появились аэростаты заграждения, похожие на больших серебряных слонов на проволочных тросах, готовые сдерживать вражеские самолеты. Затемнение стало неизбежным злом,...такие вещи, как поиск дороги в темноте без уличного освещения, а также нормирование, стали приметой жизни, и мы приняли все это, потому что чувствовали, что все находятся в одной лодке; соседи стали добрыми друзьями, готовыми прийти на помощь» [Dobinson, 2014].

Практические единодушие в поддержке парламентом решения правительства о вступлении в войну соответствовало общему настроению нации [Donnelly, p.33]. По свидетельству «Масс обсервейшен», в отличие от предыдущего сентябрьского кризиса (имелся в виду сентябрь 1938 г. и Мюнхенское соглашение), у британских граждан нет сомнения в том, следует или нет вступать в защиту жертвы агрессии [New Statesman, 1939, с. 336–337]. Облегчение от того, что наступила, наконец, ясность и определенность — вот те чувства, которые были всеобщими [Mass Observation, 1940, с. 38; Tomlinson, 1942, с. 10].

Однако эта ясность была относительной. По опросам «Масс обсервейшен» 32% опрошенных не могли дать положительной ответ о целях войны [Mass Observation, 1940, с. 422].

Описывая ситуацию после объявления войны, историк А. Колдер обращает внимание на то, что неприятие Гитлера объединило очень разные по своей политической и идеологической направленности силы и фигуры. «В этот период мало кто из англичан полагал, что это война за Польшу. Для каждого эта цель была разной. У евреев был особое отношение к этой борьбе, в то время как антисемитски настроенные правые патриоты ненавидели Гитлера как реинкарнацию кайзера Вильгельма, если не хуже, и готовы были защищать Империю от нашествия гуннов. Католики после нацистско-советского пакта могли рассматривать это как борьбу против России, а христиане в целом рассматривали нацизм в качестве язычества. Консерваторы видели в этом борьбу за сохранение могущества Британии. Либералы выступали в защиту свободы. Социалисты защищали достижения рабочего движения» [Calder, 1969, с. 66].

Против участия страны в войне с Германией выступали немногочисленные группы, представлявшие разные фланги политического спектра. Среди консерваторов следует выделить Галифакса и группу его единомышленников в Палате лордов. Либеральное крыло противников войны представляли Дж. Лэнсбери, Д. Ллойд Джордж и Бернارد Шоу. Среди

лейбористов в начале октября также выделилась небольшая группа, выступавшая за начало мирных переговоров с Гитлером [Todman, 2016].

Отдельно нужно остановиться на позиции коммунистической партии. Первоначальная их неоднозначная позиция — с одной стороны, поддержки войны с фашизмом и одновременно отказа от поддержки капиталистического правительства Чемберлена в ведении войны, сменилась под давлением Коминтерна обозначением начавшейся войны как империалистической для всех вовлеченных в нее сторон [Eaden, Renton, 2002, с. 69–70].

Современники, которые были еще очевидцами того, как Британия вступила в первую мировую войну, отмечали, что начало второй мировой полностью отличалось от того, что наблюдалось в августе 1914 года. [Thurtle, 1945, с. 148; Villard, 1939, с. 82; Longmate, 2002, с. 24; Weymouth, 1948, с. 40]. Совершенно не было того энтузиазма, который наблюдался в первые дни предыдущей войны. Как отмечает М. Брэгг, представивший в своей книге жизнь небольшого провинциального городка на протяжении всего XX века на основе бесед и воспоминаний жителей, «в то время, как начало первой мировой войны было чем-то вроде крестового похода, вторая мировая война для большинства англичан была тяжелой и грязной работой, которую все же нужно было выполнить» [Bragg, 1977, с. 258].

О том, что такое решительное настроение было характерно для всего британского общества свидетельствуют опросы общественного мнения. В эти дни 84% опрошенных были уверены, что страна одержит победу [Wybrow, 1989, с. 8]. На вопрос, заданный в сентябре «Должны ли мы продолжать борьбу до тех пор, пока гитлеризм не будет уничтожен?» утвердительно ответили 89%, отрицательно только 7%, не имели мнения по этому вопросу 4% [Public Opinion, 1951, с. 502].

Один из авторов писем редактору «Таймс» писал в эти дни: «Я предлагаю называть эту войну войной Гитлера, единственное, чем его имя может прославиться в истории — это кровопролитие, страдания и разрушения. Никогда прежде не было такой ответственности одного человека за развязывание войны» (The Times, Sep. 8, 1939). Другой автор в своем письме, рассуждая о целях войны, в начале четко и определенно формулирует их как «уничтожение гитлеризма» и завершает свое выступление тем, что «цели войны должны быть сосредоточены на том, чтобы избавить землю от того вызова человечеству, который носит название гитлеризм» (The Times, Sep. 4, 1939).

Опрос об отношении к возможному заключению мира показал, что 77% выступали против того, чтобы правительство обсуждало какие-либо мирные предложения со стороны Германии.

В октябре 1939 г. британцев попросили ответить на вопрос: «Должны ли Великобритания и Франция сформулировать и сделать публичным цели войны?». 44% опрошенных ответили утвердительно, 12% считали

это ненужным и 29% ответили, что эти цели и так ясны [Public Opinion, 1951, с. 1076].

Одновременно по инициативе «Масс обсервейшен» был проведен опрос среди рабочих, который, не являясь презентативным для всего общественного мнения страны, дает достаточное представление о господствующих в этот период настроениях.

В ответ на вопрос о том, за что идет борьба в этой войне, были сделаны такие заявления:

Рабочий (40 лет): «Конечно, чтобы покончить с Гитлером».

Рабочий (42 лет): «Мы боремся, чтобы спасти эти маленькие страны, которые подверглись нападению, мы должны остановить это насколько возможно».

Рабочий (55 лет): «Я не знаю, все, что они говорят, мне кажется правильным».

Рабочий (25 лет): «Я полагаю, мы сражаемся за свою страну».

Рабочий (55 лет): «Они, в Германии, предпочитают быть угнетенными, а мы быть свободными. В этом весь вопрос».

Рабочий (40 лет): «Когда один человек хочет слишком много, мы должны его остановить. Но сама идея войны мне не нравится».

Рабочий (32 года): «Я не знаю» [Todman, 2016, с. 275].

Первые дни и недели войны вызвали противоречивые чувства в британском обществе [Weymouth, 1948, с. 45]. Ожидая уже с первого часа чего-то страшного, похожего на ужасы, которые они видели на экранах в сюжетах о войнах в Испании и Китае, англичане с удивлением обнаруживали, что после объявления войны ровным счетом ничего не произошло [Mass Observation, 1940, с. 40–57]. Не было ни воздушных налетов германской авиации, ни всего того, что должно было быть, исходя из образа войны, который уже сформировался у британцев в течение второй половины 30-х годов [Christiansen, 1961, с. 182].

С одной стороны, это вызывало облегчение, с другой стороны — не снижало тревоги за неопределенное будущее, так как состояние, которое они теперь переживали, не отличалось от того, что было в последние предвоенные дни и которое вылилось, в конце концов, в единодушное решение — воевать. И вот, когда это тяжелое решение принято, когда готовность сражаться, а не ждать следующего кризиса с напряжением и ужасом, созрело в сознании британцев, вновь наступило прежнее неопределенное состояние.

4. Заключение

Анализ того, как реагировали британские подданные на происходящие в первые месяцы второй мировой войны события, демонстрирует сложное отношение к начавшейся войне со стороны британцев, разные грани её восприятия. Отвергая войну как средство, недостойное цивили-

зованного человечества, они все же принимали необходимость ее в борьбе против гитлеризма, как еще большего зла.

Тяжесть военного времени, жертвы и потери последующих драматических событий разворачивающегося грандиозного военного конфликта сформировали со временем новое отношение к происходящему. Колебания и некоторая неопределённость начальной фазы войны сменялась по ходу развития событий готовностью к тяжелейшим испытаниям ради защиты и сохранения страны.

Список литературы

Мезенцев, В. Ф. Вторая мировая война в коллективной памяти британского общества / В. Ф. Мезенцев. – Текст : непосредственный // Международные отношения в XX-XXI вв.: IV Чемпаловские чтения, посвященные 75-летию победы в Великой отечественной войне и 75-летию окончания Второй мировой войны : сборник науч. статей и сообщений / ред. и сост. О. С. Поршнева. – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2020. – С. 177–184.

Bragg, M. Speak for England: An Oral History of England, 1900–1975 / M. Bragg. – New York : Alfred A. Knopf, 1977. – 552 p. – Текст : непосредственный.

Calder, A. The People`s War / A. Calder. – London : Parthners, 1969. – 656 p. – Текст : непосредственный.

Christiansen, A. Headlines All My Life / A. Christiansen. – London : Heinemann, 1961. – 296 p. – Текст : непосредственный.

Clarke, P. Hope and glory: Britain, 1900-2000 / P. Clarke. – London : Penguin books, 2004. – Текст : электронный. – URL: <https://books.google.ru/books?hl=ru&id=HhawjF9EpQgC&q=1939#v=snippet&q=Daily%20Express&f=false> (дата обращения: 9.01.2020).

Dalton, H. The Political Diary of Hugh Dalton, 1918-40, 1945-60 / H. Dalton. – London : Jonathan Cape, 1987. – 737 p. – Текст : непосредственный.

Dobinson, D. London in 1939: Barrage Balloons, Bombs, Landmines and a Wedding / D. Dobinson. – Текст : электронный. – URL: <http://www.bbc.co.uk/history/ww2peopleswar/stories/49/a1127549.shtml> (дата обращения: 9.01.2020).

Donnelly, M. Britain in the Second World War / M. Donnelly, M. P. Donnelly. – London : Routledge, 1999. – 124 p. – Текст : электронный. – URL: [https://books.google.ru/books?id=qNjOpo7fQQUC&dq="people%27s+war"&hl=ru&source=gbp_navlinks_s](https://books.google.ru/books?id=qNjOpo7fQQUC&dq=) (дата обращения: 9.01.2020).

Eaden, J. The History of Communist Party of Great Britain since 1920 / J. Eaden, D. Renton. – New York : Palgrave, 2002. – 220 p. – Текст : непосредственный.

Excerpts from a «Memoir». – Текст : электронный. – URL: <http://www.bbc.co.uk/history/ww2peopleswar/stories/62/a3818162.shtml> (дата обращения: 9.01.2020).

Kirkpatrick, H. P. Under The British Umbrella: What the English Are and How They Go to War / H. P. Kirkpatrick. – New York : C. Scribner's Sons, 1939. – 334 p. – Текст : непосредственный.

Lee, J. This Great Journey: A Volume of Autobiography, 1904-45 / J. Lee. – London : MacGibbon & Kee, 1963. – 230 p. – Текст : непосредственный.

Longmate, N. How we lived then: a history of everyday life during the Second World War / N. Longmate. – London : Pimlico, 2002. – 592 p. – Текст : непосредственный.

Mass Observation. War Begins at Home / ed. by T. Harrison, Ch. Madge. – London : Chatto & Windus, 1940. – 425 p. – Текст : непосредственный.

Morgan, D. The Battle for Britain: Citizenship and Ideology in the Second World War / D. Morgan, M. Evans. – New York : Routledge, Chapman & Hall, 1993. – 208 p. – Текст : непосредственный.

Murrow, E. R. This is London / E. R. Murrow. – New York : Simon and Schuster, 1941. – 237 p. – Текст : непосредственный.

New Statesman and Nation. – London : [н.д.], 1931-1957. – Текст : непосредственный.

Nicolson, H. Diaries and letters. 1930-1964 / H. Nicolson. – New York : Atheneum, 1980. – 436 p. – Текст : непосредственный.

Panter-Downes, M. London War Notes / M. Panter-Downes. – London : Longman, 1972. – 378 p. – Текст : непосредственный.

Parliamentary Debates. House of Commons (PDHC). – 1939. – Ser. 5. – Vol. 351. – Текст : непосредственный.

Public Opinion, 1935-1946 / Ed. by H. Cantril, M. Strunk. – Princeton : Princeton University Press, 1951. – 1191 p. – Текст : непосредственный.

Rose, S. O. Which People's War? National Identity and Citizenship in Wartime Britain 1939-1945 / S. O. Rose. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 300 p. – Текст : электронный. – URL: <https://books.google.ru/books?id=JIRSAwAAQBAJ&hl=ru> (дата обращения: 9.01.2020).

The Hodges Family in 1939. – Текст : электронный. – URL: <http://www.bbc.co.uk/history/ww2peopleswar/stories/47/a2083547.shtml> (дата обращения: 9.01.2020).

Thurtle, E. Time's Winged Chariot: Memoirs & Comments. 1945 / E. Thurtle. – London : Chaterson. – 190 p. – Текст : непосредственный.

Todman, D. Britain's War: Into Battle, 1937–1941 / D. Todman. – New York : Oxford University Press, 2016. <https://archive.org/details/britains-war-into-battle-1937-1941/page/n7/mode/2up>

Tomlinson, H. M. The Wind is Rising / H. M. Tomlinson. – Boston : Little Brown and Company, 1942. – 296 p. – Текст : непосредственный.

Villard, G. Inside Germany / G. Villard. – London : Constable & Co., 1939. – 86 p. – Текст : непосредственный.

Weymouth, A. Journal of The War Years & One More After / A. Weymouth. – London : Littlebury, 1948. – 372 p. – Текст : непосредственный.

Wybrow, R. J. Britain Speaks Out, 1937-87: A Social History as Seen Through the Gallup Data / R. J. Wybrow. – Basingstoke : Macmillan, 1989. – 174 p. – Текст : непосредственный.

York, G. Our First Date, on the Day War Broke Out / G. York. – Текст : электронный. – <https://www.bbc.co.uk/history/ww2peopleswar/stories/95/a4476495.shtml> (дата обращения: 9.01.2020).

Статья получена: 31.01.2021

Статья принята: 01.04.2021

BRITISH PUBLIC REACTION TO THE OUTBREAK OF WORLD WAR II

V. F. Mezentsev

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
vicmir10@gmail.com

Abstract. The article attempts to characterize the reaction of British society to the country's entry into the Second World War in the autumn of 1939. For the first time in Russian historiography, based on a comprehensive analysis of various sources reflecting the opinions of various circles of the British public (parliamentary debates, media, sociological studies data, diaries and memoirs of contemporaries), the picture of ideas about the nature and goals of the war, the motives and moods of the British during this period is reconstructed. The results of the study show that the entry into the war with Germany was accompanied by a significant position shift of British society to Hitler's aggressive actions in Europe. Despite the continuing hesitation regarding the definition of the goals of the war that took place, a comparative analysis of various sources reveals the consensus that emerged in British public opinion in the first months of the war on the main issues of the country's foreign policy.

Key words: Great Britain, World War II, public opinion.

References

- Bragg, M. (1977). *Speak for England: An Oral History of England, 1900–1975*. New York: Alfred A. Knopf.
- Calder, A. (1969). *The People's War*. London: Parthners.
- Cantril, H., & Strunk, M. (Eds.). *Public Opinion, 1935-1946*. Princeton: Princeton University Press, 1951.
- Christiansen, A. (1961). *Headlines All My Life*. London: Heinemann.
- Clarke, P. (2004). *Hope and glory: Britain, 1900-2000*. London: Penguin books.
- Dalton, H. (1987). *The Political Diary of Hugh Dalton, 1918-40, 1945-60*. London: Jonathan Cape.
- Dobinson, D. (2014). *London in 1939: Barrage Balloons, Bombs, Landmines and a Wedding*. Retrieved from <http://www.bbc.co.uk/history/ww2peopleswar/stories/49/a1127549.shtml>
- Donnelly, M. (1999). *Britain in the Second World War*. London: Routledge.
- Eaden, J., Renton, D. (2002). *The History of Communist Party of Great Britain since 1920*. New York: Palgrave.
- Excerpts from a «Memoir». Retrieved from <http://www.bbc.co.uk/history/ww2peopleswar/stories/62/a3818162.shtml>
- Harrison, T., & Madge, Ch. (Eds.). *Mass Observation. War Begins at Home*. London: Chatto & Windus, 1940.
- Kirkpatrick, H. P. (1939). *Under The British Umbrella: What the English Are and How They Go to War*. New York: C. Scribner's Sons.
- Lee, J. (1963). *This Great Journey: A Volume of Autobiography, 1904-45*. London: MacGibbon & Kee.
- Longmate, N. (2002). *How we lived then: a history of everyday life during the Second World War*. London: Pimlico.
- Mezencev, V. F. (2020). Vtoraja mirovaja vojna v kollektivnoj pamjati britanskogo obshhestva [World War II in the collective memory of Britain's society]. In O. S. Porshneva (Ed.), *Mezhdunarodnye otnoshenija v XX-XXI vv.: IV Chempalovskie chtenija, posvjashhennye 75-letiju pobedy v Velikoj otechestvennoj vojne i 75-letiju okonchanija Vtoroj mirovoj vojny* (pp. 177–184). Yekaterinburg: UMC UPI.
- Morgan, D., Evans, M. (1993). *The Battle for Britain: Citizenship and Ideology in the Second World War*. New York: Routledge, Chapman & Hall.
- Murrow, E. R. (1941). *This is London*. New York: Simon and Schuster.
- New Statesman and Nation* (1931-1957). London.
- Nicolson, H. (1980). *Diaries and letters. 1930-1964*. New York: Atheneum.
- Panther-Downes, M. (1972). *London War Notes*. London: Longman.

PDHC (1939). *Parliamentary Debates. House of Commons*, Ser. 5. Vol. 351.

Rose, S. O. (2004). *Which People's War?: National Identity and Citizenship in Wartime Britain 1939-1945*. Oxford: Oxford University Press.

The Hodges Family in 1939. Retrieved from <http://www.bbc.co.uk/history/ww2peopleswar/stories/47/a2083547.shtml>

Thurtle, E. (1945). *Time's Winged Chariot: Memoirs & Comments*. London: Chaterson.

Todman, D. (2016). *Britain's War: Into Battle, 1937–1941*. New York: Oxford University Press.

Tomlinson, H. M. (1942). *The Wind is Rising*. Boston: Little Brown and Company.

Villard, G. (1939). *Inside Germany*. London: Constable & Co.

Weymouth, A. (1948). *Journal of The War Years & One More After*. London: Littlebury & company limited.

Wybrow, R. J. (1989). *Britain Speaks Out, 1937-87: A Social History as Seen Through the Gallup Data*. Basingstoke: Macmillan.

Submitted: 31.01.2021

Accepted: 01.04.2021

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.581

КИТАЙ КАК СФЕРА-МИШЕНЬ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

М. Ли

Южно-Уральский государственный университет

Челябинск, Россия

529394950@qq.com

О. А. Солопова

Южно-Уральский государственный университет

Челябинск, Россия

o-solopova@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются метафорические модели и особенности их функционирования в современном китайском политическом дискурсе. Цель исследования заключается в анализе метафорических моделей со сферой-мишенью «Китай», используемых в китайских изданиях «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао». Для анализа метафор использованы метод сплошной выборки, метод метафорического моделирования, когнитивно-дискурсивный анализ, лингвокультурологический анализ, количественный анализ. Результаты исследования показали, что специфичными для китайского политического дискурса в статьях, посвященных описанию Китайской народной республики, являются метафорические модели со сферами-источниками «Искусство», «Растение», «Педагогика», «Строительство», «Цвет». Абсолютное большинство метафор участвует в создании положительного образа Китая в национальном политическом дискурсе. Результаты исследования вносят вклад в дальнейшее развитие теории политического дискурса и политической метафорологии.

Ключевые слова: образ Китая; метафора; политический дискурс; СМИ Китая; метафоры искусства, фитоморфные метафоры, метафоры образования, метафоры строительства, цветовые метафоры

1. Введение

В последние годы изучение метафоры охватывает различные области знаний – философию, литературоведение, психологию, семиотику и другие. В лингвистике активно рассматриваются вопросы роли метафоры в политическом дискурсе. Метафора, используемая участниками политического процесса, помогает политикам не только достигать поставленных целей, а гражданам – лучше понять язык политики, но и способствует моделированию положительных и отрицательных образов отдельных политических событий и целых государств.

Сегодня очевидно, что образ государства, создаваемый в СМИ, серьезно влияет на восприятие страны мировым сообществом. В настоящее время Китай занимает одну из лидирующих позиций в мире. В целях развития международных политических и экономических отношений создание положительного образа страны на мировой арене становится актуальной задачей для КНР. СМИ как важный инструмент распространения информации неразрывно связаны с политическим дискурсом, что помогает правительству создавать и продвигать позитивный образ Китая как внутри страны, так и за рубежом.

Целью настоящей работы является анализ специфичных метафорических моделей, которые продуцируют положительно окрашенные образы государства в китайском политическом дискурсе.

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования использованы официальные печатные издания Центрального комитета Коммунистической партии Китая «Жэньминь жибао» (人民日报) и «Гуанмин жибао» (光明日报). Обе газеты представляют собой общегосударственные ежедневные газеты с тиражом более миллиона экземпляров.

Для формирования исследовательского массива методом сплошной выборки извлечены 20 текстов на первой полосе (10 из «Жэньминь жибао» и 10 из «Гуанмин жибао» с 01.01.2021 до 31.03.2021) по ключевому слову «中国» (Китай).

При ручной обработке текстов и классификации метафор использован метод метафорического моделирования [Чудинов, 2020]. Исследовательская картотека включает 553 единицы, которые реализуют 15 метафорических моделей (Рис. 1). Предметом анализа в рамках настоящей статьи являются метафоры, не являющиеся доминантными в репрезентации образа Китая, но активно употребляющиеся в политическом дискурсе.

В процессе анализа репрезентации образа Китая и функций, выполняемых метафорами в китайском политическом дискурсе, использован метод когнитивно-дискурсивного анализа.

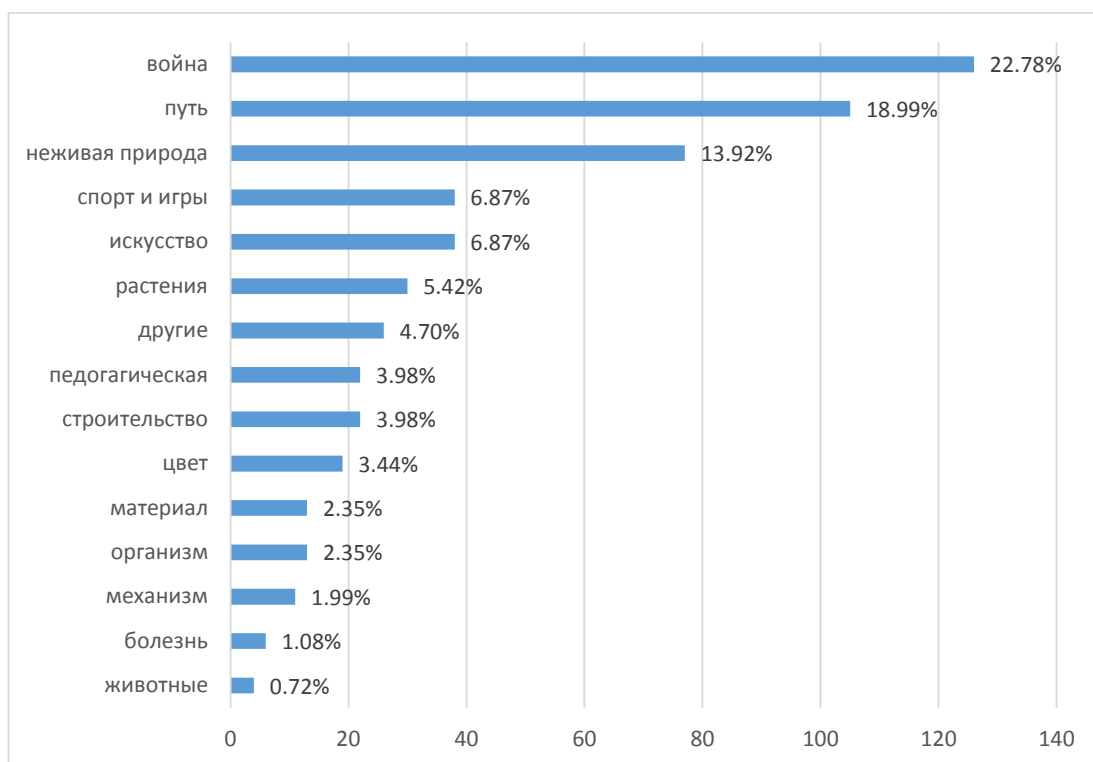

Рис. 1. Частотность метафор со сферой-мишенью «Китай»

3.1. Метафоры со сферой-источником «Искусство»

Особенности функционирования метафоры искусства исследуется учеными разных стран [Каслова, 2003; Соколовская, 2002; Чудинов, 2001; Ezrahi, 1995; Wang, 2017 и др.] Широкое распространение метафоры искусства в современном политическом дискурсе объясняется тем, что искусство, ассоциативно связанное с художественностью, красотой и изяществом, обычно вызывает положительные эмоции и уважительное отношение, что позволяет создавать позитивный образ политика или политики и, следовательно, может стимулировать общественность к принятию участия в политической деятельности и к поддержке проводимого политического курса.

В китайском политическом дискурсе используются следующие единицы метафор этой модели: 画卷 (картина), 故事 (повествование), 史册 (анналы истории), 诗篇 (эпос), 交响 (симфония), 和声 (аккорд), 帷幕 (занавес), 世界舞台 (мировая арена), 足音 (звук шагов), 敲锣打鼓 (бить в гонг и стучать в барабаны).

Метафоры искусства востребованы в контексте профилактики и контроля над эпидемией COVID-19. Ср.:

«我们用众志成城、坚忍不拔书写了抗疫史诗» (Мы твердо и единодушно пишем эпос о борьбе с эпидемией) (Жэньминь жибао, 01.01.2021).

Метафора эпоса активно употребляется в условиях борьбы с пандемией, поскольку инфекция, как и повествование в эпическом произведении,

затрагивает судьбы различных персонажей (народов); в нарративе пандемии переплетается несколько «сюжетных линий», события «разворачивается» на территории нескольких государств одновременно; для пандемии характерен масштабный охват территорий, как и в случае художественного пространства эпоса.

Аналогией литературного произведения эпического характера в музыке является симфония. Ср.:

«广大文艺工作者以人民为中心,创作出《我和我的家乡》《枫叶红了》《大地颂歌》等文艺精品,共同奏响人民自强不息的时代交响» (Широкие массы работников литературы и искусства, ставящие во главу угла интересы народа, создали такие художественные произведения, как «Я и моя родина», «Листья клена краснеют», «Гимн земли», и вместе играют симфонию эпохи для борьбы народа за свою независимость) (Жэньминь жибао, 06.01.2021).

Метафора симфонии подчеркивает масштабность происходящих процессов, сплоченность народа в достижении целей, грамотное руководство партии, так как симфония – это крупное сочинение, написанное для симфонического оркестра, который невозможно представить без опытного и профессионального дирижера. Большой коллектив музыкантов – народ Китая – исполняет вместе одно музыкальное произведение, в котором каждый играет собственную партию. Именно поэтому для управления оркестром, чтобы последний звучал гармонично и слаженно, требуется талантливый дирижер – председатель Коммунистической партии Китая, который умеет заставлять инструменты играть так, как он того хочет, при этом часто не произнося ни единого слова.

Метафора искусства активно используется в китайском политическом дискурсе для положительной репрезентации политических процессов и достижений партии и народа, позволяет привлечь внимание к происходящим событиям, мотивирует аудиторию к принятию участия в общенародной деятельности.

3.2. Метафоры со сферой-источником «Флора»

В политическом дискурсе использование метафоры растительного мира и ее особенностей исследуется в разных странах [Баранов, Караулов, 1991; Солопова, 2015; Чудинов, 2020; Иванова 2002; Charteris-Black, 2004; Могено, 2005; Ли, 2019; Мо, 2020]. Метафора растения обычно подчеркивает свойства политической системы как живого организма – рост, питание, непрерывность развития.

Наиболее распространенные метафорические единицы со сферой-источником «растение» в китайском политическом дискурсе следующие: *落地生根* (пускать корни в землю), *披荆斩棘* (продраться сквозь заросли терновника и срубить колючие кусты), *蔓延* (ползти), *扎根* (пустить кор-

ни), 施肥 (вносить удобрение), 开花 (расцветать), 花瓣 (лепесток), 雨后春笋 (молодой бамбук после дождя).

В китайском политическом дискурсе государство часто концептуализируется как почва, а теории и идеи, способствующие развитию общества и страны, – как семена, которые пускают корни и из которых пробиваются ростки развития. Ср.:

«推动习近平新时代中国特色社会主义思想落地生根» (Способствовать тому, чтобы «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» пускали корни в землю) (Жэньминь жибао, 06.01.2021).

Достижение успеха в различных областях политико-экономического развития страны, в том числе в области военно-промышленного комплекса, репрезентирует метафора цветения. Ср.:

«目前, 我国“长征”系列运载火箭多点开花» (В настоящее время ракето-носитель серии «Чанчжэн» многоточечно цветет) (Жэньминь жибао, 15.03.2021).

Фитоморфная метафора, во-первых, эксплицирует идею взаимосвязи человека и природы. Во-вторых, способствует моделированию образа государства как постоянно развивающегося организма, который в настоящий момент достиг своего расцвета. В-третьих, ее использование позволяет привлечь внимание к деятельности государственных структур в тех сферах деятельности, которые «отдалены» от жизни рядовых граждан. В-четвертых, положительно нагруженные в китайском политическом дискурсе фитоморфные метафоры репрезентируют прогрессивное развитие государства, эволюцию общественно-политической формации – социализма с китайской спецификой новой эпохи.

3.3. Метафоры со сферой-источником «Педагогика»

Педагогические метафоры занимают важное место в политическом дискурсе Китая, так как на протяжении тысячелетий у китайцев традиционно существует представление о том, что результаты государственных экзаменов (экзамен кэцзюй (科举) – государственный экзамен в императорском Китае и ЕГЭ (高考) в современном Китае), по сути, определяют перспективы жизни человека. В настоящее время метафоры этой сферы-источника исследуются учеными преимущественно на материале образовательного процесса и педагогического дискурса [Будаев, Чудинов, 2007; Санта Ана, 2007; Mcguinness, 2005; Tao, 2015; Zheng, 1997].

Наиболее распространены в китайском политическом дискурсе метафорические единицы, связанные со смыслами экзаменов, уроков и заданий: 高分答卷 (лист с высокой оценкой), 加试题 (дополнительный вопрос), 常规考 (обычный экзамен), 应急考 (внезапный экзамен), 关键一课 (ключевой урок), 作业 (задание), 必修课 (обязательный предмет), 功课 (урок), 讲堂 (аудитория), 成绩 (успеваемость).

В китайском политическом дискурсе страна часто метафорически представляется как учащийся или абитуриент, который должен сдать экзамены для того, чтобы перейти на следующую ступень развития. Ср.:

«无论是“常规考”还是“应急考”，中国交上的一份份高分答卷，令世界惊叹» (Китай получил листы с высокой оценкой и на «обычных экзаменах», и на «внезапных экзаменах», что вызывает удивление у всего мира) (Гуанмин жибао, 04.01.2021).

Смыслы, транслируемые метафорами данной модели, следующие: политико-экономическое развитие страны – запланированный экзамен, на котором проверяют знания по обязательным предметам; борьба с эпидемией – экзамен, который доказал, что Китай способен решать не только плановые, но и возникающие внезапно задачи; экзаменационные вопросы – препятствие на пути к целям развития страны и общества и, как результат, высший балл – достижение, оценка за знания, навыки и умения справляться с любыми проблемами.

К распространенным метафорам в китайском политическом дискурсе относятся «урок» и «предмет». Ср.:

«树立正确党史观，上好共产党人的必修» (Установить правильный взгляд на историю партии, пройти обязательные предметы Коммунистической партии) (Гуанмин жибао, 18.03.2021).

Обязательный предмет как фактор, который может непосредственно влиять на результаты экзаменов, включает верную трактовку истории партии, коренных причин успехов и позитивных сдвигов с начала проведения политики реформ и открытости, знание народом высших идеалов и конечной цели социализма с китайской спецификой.

Использование педагогической метафоры помогает аудитории лучше понять ситуацию, привлекает внимание к описываемым политическим событиям и процессам, подчеркивает важность, последовательность, необходимость предпринимаемых усилий и действий.

3.4. Метафоры со сферой-источником «Строительство»

В политическом дискурсе к числу ведущих сфер-источников относится метафора строительства [Санцевич, 2003; Солопова, 2020; Musolff, 2000; Zhang, 2018; Zhu, 2018; Zinken, 2002], так как ее использование позволяет моделировать как создание качественно новой, так и реконструкцию прежней формы общественно-политической системы.

Типичные единицы со сферой-источником «строительство», которые употребляются для концептуализации образа государства в китайском политическом дискурсе, представлены следующими метафорами: 根基 (база), 桥梁 (мост), 构筑 (построить), 建设工程 (строительная работа), 筑牢高地 (построить возвышение), 窗户 (окно), 建设 (строить), 藩篱 (изгородь), 大门 (ворота), 台阶 (ступени лестницы) и другими.

В политическом дискурсе Китая научная концепция развития государства моделируется как строительство, страна – здание, народ и лидер – строители, развитие страны, проводимая политика – этапы строительного процесса, меры и конкретные шаги – строительные материалы. Ср.:

«高举思想旗帜, 筑牢理论根基» (Высоко держать знамя идеологии, прочно выстраивать теоретическую базу) (Жэньминь жибао, 06.01.2021).

Идея о социализме с китайской спецификой новой эпохи является краеугольным камнем политики, поскольку недостаточное внимание к основным ценностям социализма может привести к препятствиям в осуществлении реформ, политики открытости и социалистической модернизации и вызвать проблемы в будущем.

К числу доминантных образов в рамках рассматриваемой модели относится метафора дома и связанные с ней концепты. Ср.:

«中国为世界了解一个真实、立体、全面的中国打开了一扇扇窗户» (Китай открыл окна, чтобы мир получил реальное, объемное и всеобъемлющее представление о Китае) (Жэньминь жибао, 06.01.2021).

Метафора дома и составляющих его частей является ключевой константой китайской культуры, поэтому закономерно ее использование в китайском политическом дискурсе при моделировании образа собственного государства. Метафоры продуцируют образы «нового» Китая – государства, открытого внешнему миру, готового показать всем свои успехи и достижения.

Метафоры строительства и дома в китайском политическом дискурсе создают положительные образы государства, которое проводит реформы и инновации, культивирует и укрепляет ценности социалистической идеологии, активно развивает отношения с внешним миром и старается делать все для создания благоприятной международной обстановки.

3.5. Метафоры со сферой-источником «Цвет»

Метафоры цвета относятся к культурно-специфичной лексике, что связано с разнообразием условий жизни народов, историей, обычаями, традициями, которые обуславливают различное восприятие и понимание цвета. Исследователи отмечают, что в политическом дискурсе использование культурно-маркированной метафоры цвета оказывает воздействие на адресата, формируя представление о происходящих событиях в необходимом адресанту ключе [Суздальцева, 2014; Cui, 2012; Lu, 2015; Lu, 2006].

При моделировании образа современного Китая наиболее востребованы следующие метафорические единицы: *绿色发展* (зеленое развитие, в знач.: экологическое развитие), *红区* (красная зона, в знач.: зона бедствия), *红灯* (красный свет, в знач.: опасность), *守护蓝* (охранительный синий цвет, в знач.: полиция), *志愿红* (добровольный красный цвет, в знач.: волонтер), *开门红* (красный цвет после открытия двери, в знач.: хорошее начало), *绿色消费* (зеленое потребление, в знач.: экологически чистое по-

требление), 白衣 (люди в белых одеждах, в знач.: 1. простолудин; 2. медицинские работники) и другие.

Традиционно в китайской культуре красный цвет символизирует счастье, успех и радость. Ср.:

今年前两个月, 湖北经济迎来“开门红” (В первые два месяца этого года экономика провинции Хубэй встретила «красный цвет после открытия дверей» (в знач.: хорошее начало)) (Жэньминь жибао, 17.03.2021).

Однако, следует заметить, что в последние годы под влиянием процессов глобализации красный цвет стал часто использоваться для обозначения опасности. В современном китайском политическом дискурсе метафоры красного цвета распространены в публикациях, связанных с пандемией. Ср.:

报告病例数在短期内大幅增加, 防控形势一度红灯频闪 (Количество зарегистрированных случаев заболевания возросло в короткий срок, в ситуации профилактики и контроля «красный свет горит непрерывно») (Гуанмин жибао, 04.01.2021).

В современной китайском политическом дискурсе зеленый цвет означает безопасность, благоприятные условия и охрану окружающей среды. Ср.:

对脱贫地区继续实施企业上市“绿色通道”政策» (Продолжать осуществлять политику «зеленых коридоров» для регистрации компаний на бирже в бедных районах) (Гуанмин жибао, 23.03.2021).

К наиболее частотным метафорам цвета в китайском политическом дискурсе относятся те, что связаны с красным и зеленым цветом. Метафорическое употребление колоративов интуитивно настраивает адресата на восприятие информации в положительном или отрицательном ракурсе.

4. Заключение

Результаты исследования показывают, что в китайском политическом дискурсе образ государства моделируется с использованием специфичных сфер-источников: «Искусство», «Растение», «Педагогика», «Строительство», «Цвет». Источниковые сферы представляют собой типовые схемы, известные и понятные каждому человеку, что повышает прагматический потенциал применения метафор в политическом дискурсе. Особое внимание следует обратить на то, что некоторые метафоры тесно связаны с национальной культурой и представляют собой культурные символы в китайском политическом дискурсе.

Метафоры выполняют следующие функции: привлечь внимание к проблеме или к достижениям в осуществлении политики и деятельности государственных структур, оказать эмоциональное воздействие на адресата, произвести яркое впечатление о событиях, мотивировать адресата к принятию участия в общенародной деятельности, мобилизовать народные массы на срочное решение государственных и социальных проблем, пре-

образовать существующую в сознании человека политическую картину мира, сформировать или модифицировать его мировоззрение и систему ценностей.

С помощью использования метафор средства массовой информации создают положительный образ мощного, сплоченного, успешного и открытого государства, что может содействовать экономическому и политическому развитию страны, а также сотрудничеству Китая с другими странами на геополитической арене.

Список литературы

Баранов, А. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Ин-т русского языка РАН, 1991. – 193 с. – Текст : непосредственный.

Будаев, Э. В. Дискуссия о метафорах в современной зарубежной педагогике / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2007. – № 1. – С. 188–200.

Иванова, Е. М. Прототипная метафора в английской ораторской речи второй половины XX в. (на материале американского варианта английского языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Иванова Екатерина Михайловна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2002. – 195 с. – Текст : непосредственный.

Каслова, А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Каслова Анастасия Александровна ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2003. – 208 с. – Текст : непосредственный.

Санта Ана, О. Что посеешь, то и пожнешь: метафорический анализ американского образовательного дискурса / О. Санта Ана. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2007. – № 2. – С. 124–151.

Санцевич, Н. А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции) : специальность 10.02.21 «Прикладная и математическая лингвистика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Санцевич Надежда Александровна ; Московский государственный лингвистический университет. – Москва, 2003. – 268 с. – Текст : непосредственный.

Соколовская, Т. Б. Языковая личность политического лидера (на материале газет новейшего времени) : дис.... канд. филол. Наук : 10.02.01. – Санкт-Петербург, 2002. – 156 с. – Текст : непосредственный.

Солопова, О. А. Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе / О. А. Солопова. – Москва : Флинта, 2015. – 312 с. – Текст : непосредственный.

Солопова, О. А. Ключ к будущему: прогностические смыслы политической метафоры (на материале британских текстов о России периода Великой Отечественной войны) / О. А. Солопова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 161–177.

Суздальцева, В. Н. Символика цвета и функционирование цветообозначений в массмедийном политическом дискурсе / В. Н. Суздальцева. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. – 2014. – № 1 (10). – С. 81–96.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001. – 238 с. – Текст : непосредственный.

Чудинов, А. П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. – Москва : Флинта, 2020. – 236 с. – Текст : непосредственный.

Charteris-Black, J. Politicians and rhetoric. The persuasive power of metaphor / J. Charteris-Black. – Basingstoke : Palgrave, 2004. – 256 p. – Текст : непосредственный.

Ezrahi, Y. The theatrics and mechanics of action: The theater and the machine as political metaphors / Y. Ezrahi. – Текст : непосредственный // Social Research. – 1995. – Vol. 62. – № 2. – P. 299–322.

Mcguinness, C. Behind the acquisition metaphor: Conceptions of learning and learning outcomes in TLRP school-based projects / C. McGuinness. – Текст : непосредственный // Curriculum Journal. – 2005. – Vol. 16 (1). – P. 31–47.

Moreno-Lara, M. A. La metáfora conceptual y el lengua político periodístico: configuración, interacciones y niveles de descripción / M. A. Moreno-Lara. – Logrono : Universidad de la Rioja, 2004. – 562 p. – Текст : непосредственный.

Zinken, J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition : Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld : Universität Bielefeld, 2002. – 262 S.

崔艳辉 (Cui Yanhui). 中西颜色隐喻认知分析及其文化探源 / 崔艳辉. – Текст : непосредственный // 长春工业大学学报 : 社会科学版 – 2012. – № 024 (005). – P. 124–128.

鹿军红 (Lu Junhong). 认知理论下的颜色词隐喻研究 / 鹿军红. – Текст : непосредственный // 校园英语. – 2015. – № 000 (006). – P. 232–232.

卢卫中 (Lu Weizhong). 中国政治话语隐喻及其翻译研究——以十九大报告为例 / 卢卫中, 李一, 徐云秋, 管琳. – Текст : непосредственный // 翻译论坛. – 2019. – № 000 (001). – P. 12–18.

卢烨(Lu Ye). 颜色隐喻在政治语篇中的功能及其使用. Doctoral dissertation. – 吉林大学. – 2006. – 69 p. – Текст : непосредственный.

莫慧芳 (Mo Huifang). 认知视域下习近平政治话语的隐喻研究 / 莫慧芳 – Текст : непосредственный // 唐山师范学院学报. – 2020. – № 042 (001). – P. 31–35.

陶玫 (Tao Mei). 教育隐喻的文化认知研究. Doctoral dissertation. – 西南大学. – 2015. – 183 p. – Текст : непосредственный.

王梦晓 (Wang Mengxiao). 基于语料库的美国智库涉华话语的隐喻建构研究 / 王梦晓, 支永碧. – Текст : непосредственный // 吉林省教育学院学报. – 2017. – Vol. 33. – № 442 (10). – P. 149–156.

张蕾 (Zhang Lei). 政治话语中建筑隐喻的未来建构 / 张蕾. – Текст : непосредственный // 天津外国语大学学报. – 2018. – № 25 (04). – P. 56–65.

27. 郑金洲 (Zheng Jinzhou). 若干教育隐喻探源 / 郑金洲 // 教育发展研究. – 1997. – № 9. – P. 5–9.

朱潇颖 (Zhu Xiaoying). 概念隐喻视角下的政治语篇分析——以十九大报告为例 / 朱潇颖. – Текст : непосредственный // 广西职业技术学院学报. – 2018. – № 011 (003). – P. 100–104.

Получена: 12.02.2021

Принята: 28.03.2021

CHINA AS A TARGET DOMAIN OF METAPHORIC EXPANSION IN CONTEMPORARY CHINESE POLITICAL DISCOURSE

M. Li

South Ural State University
Chelyabinsk, Russia
529394950@qq.com

O. A. Solopova

South Ural State University
Chelyabinsk, Russia
o-solopova@bk.ru

Abstract. This paper explores characteristics and functions of metaphorical metaphors in modern Chinese political discourse. The aim of the paper is to analyze metaphorical models with the target domain "China", used in the Chinese newspapers «People's Daily» and «Guangming Daily». For the analysis of metaphors, the method of continuous sampling, the method of metaphorical modeling, cognitive-discourse analysis, linguocultural analysis, and quantitative analysis were used. The results of the study showed that metaphorical models with the source domains "Art", "Plant", "Pedagogy", "Construction", "Color" are specific for the Chinese political discourse in articles devoted to the description of the People's Republic

of China. The absolute majority of metaphors are involved in creating a positive image of China in national political discourse. The research results contribute to the further development of the theory of political discourse and political metaphorology.

Key words: image of China; metaphor; political discourse; Chinese media; art metaphors; phytomorphic metaphors; educational metaphors; construction metaphors; color metaphors

References

Baranov, A. N., & Karaulov, Ju. N. (1991). *Russkaja politicheskaja metafora (materialy k slovarju)* [Russian political metaphor (materials to the dictionary)]. Moscow: The V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2007). Diskussija o metaforah v sovremennoj zarubezhnoj pedagogike [Discussion about metaphors in modern foreign pedagogy]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 1, 188–200.

Ivanova, E. M. (2002). *Prototipnaja metafora v anglijskoj oratorskoj rechi vtoroj poloviny XX v.: na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka* [Prototypical metaphor in English oratory of the second half of the XX century: On the material of the American version of the English language]. [Candidate dissertation, Saint-Petersburg State University].

Kaslova, A. A. (2003). *Metaforicheskoe modelirovanie prezidentskih vyborov v Rossii i SSHA (2000 g.)* [Metaphorical modeling of presidential elections in Russia and the United States (year 2000)]. [Candidate dissertation, Ural State Pedagogical University].

Sancevich, N. A. (2003). *Modelirovanie variativnosti jazykovoj kartiny mira na osnove dvujazychnogo korpusa publicisticheskikh tekstov (metafory i semanticheskie oppozicii)*. [Modeling variability of the language picture of the world based on a bilingual corpus of journalistic texts (metaphors and semantic oppositions)]. [Candidate dissertation, Ural State Pedagogical University].

Santa Ana, O. (2007). Chto poseesh', to i pozhnesh': metaforicheskij analiz amerikanskogo obrazovatel'nogo diskursa [What you say is what you get: metaphor analysis of U.S. public discourse about education]. *Politicheskaya lingvistika*, 2, 124–151.

Sokolovskaja, T. B. (2002). *Jazykovaja lichnost' politicheskogo lidera (na materiale gazet novejshego vremeni)* [The linguistic personality of a political leader (based on the material of modern newspapers)]. [Candidate dissertation, Saint-Petersburg State University].

Solopova, O. A. (2015). *Diachronicheskaja sopostavitel'naja metaforologija: issledovanie modelej budushhego v politicheskom diskurse* [Diachronic comparative metaphorology: a study of future models in political discourse]. Moscow: Flinta.

Solopova, O. A. (2020). K budushhemu: prognosticheskie smysly politicheskoy metafory (na materiale britanskikh tekstov o Rossii perioda Velikoj Otech-

estvennoj vojny) [The key to the future: predictive meanings of political metaphor (based on british texts about russia of the great patriotic war period)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, № 63, 161–177.

Suzdal'ceva, V. N. (2014). Simvolika cveta i funkcionirovanie cvetooboznachenij v massmedijnom politicheskom diskurse [Symbolics of colors and functioning of color designation in mass media political discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 1 (10), 81–96.

Chudinov, A. P. (2001). *Rossija v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory (1991-2000)*. [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Chudinov, A. P., Budaev, E. V., & Solopova O. A. (2020). *Politicheskaja metaforologija: diskursivnyj povorot* [Political metaphorology: A discursive turn]. Moscow: Flinta.

Charteris-Black, J. (2004). *Politicians and rhetoric. The persuasive power of metaphor*. Basingstoke: Palgrave.

Ezrahi, Y. (1995). The theatrics and mechanics of action: The theater and the machine as political metaphors. *Social Research*, 62, 2, 299–322.

Mcguinness, C. (2005). Behind the acquisition metaphor: Conceptions of learning and learning outcomes in TLRP school-based projects. *Curriculum Journal*, 16 (1), 31–47.

Moreno-Lara, M. A. (2005). *La metáfora conceptual y el lenguaje político periodístico: configuración, interacciones y niveles de descripción*. Logrono: Universidad de La Rioja.

Zinken, J. (2002). *Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition*. [Doctoral dissertation, Bielefeld University].

崔艳辉 (Cui, Y.) (2012). 中西颜色隐喻认知分析及其文化探源 [Cognitive Analysis of Chinese and Western Color Metaphors and Its Cultural Origin]. *长春工业大学学报: 社会科学版*, 024 (005), 124–128.

鹿军红 (Lu, Junhong) (2015). 认知理论下的颜色词隐喻研究 [A Study on Color Term Metaphors under Cognitive Theory]. *校园英语*, 000 (006), 232–232.

卢烨 (Lu, Ye) (2006). 颜色隐喻在政治语篇中的功能及其使用 [The Function and Use of Color Metaphor in Political Discourse]. [Doctoral dissertation, Jilin University].

卢卫中, 李一, 徐云秋, 管琳 (Lu, W., Li, Y., Xu, Y., & Guan, L.) (2019). 中国政治话语隐喻及其翻译研究——以十九大报告为例 [Research on Chinese Political Discourse Metaphor and Its Translation: Taking the Report of the 19th National Congress of the Communist Party of China as an Example]. *翻译论坛*, № 000 (001), 12–18.

莫慧芳 (Mo, H.) (2020). 认知视域下习近平政治话语的隐喻研究 [A Metaphorical Study of Xi Jinping's Political Discourse from the Cognitive Perspective]. *唐山师范学院学报*, 042 (001), 31–35.

陶玫 (Tao, M.) (2015). 教育隐喻的文化认知研究 [Research on Cultural Cognition of Educational Metaphor]. [Doctoral dissertation, Southwest University].

王梦晓 (Wang, M.) (2017). 基于语料库的美国智库涉华话语的隐喻建构研 [Research on the Metaphorical Construction of Chinese Discourses in American Think Tanks Based on Corpus]. *吉林省教育学院学报*, 33, 442 (10), 149–156.

张蕾 (Zhang, L.) (2018). 政治话语中建筑隐喻的未来建构 [The Construction of Future with Architectural Metaphors in Political Discourse]. *天津外国语大学学报*. — № 25 (04). – pp. 56–65.

郑金洲 (Zheng, J.) (1997). 若干教育隐喻探源 [The Study of the Source of Several Educational Metaphors]. *教育发展研究*, 9, 5–9.

朱潇颖 (Zhu, X.) (2018). 概念隐喻视角下的政治语篇分析——以十九大报告为例 [Political Discourse Analysis from the Perspective of Conceptual Metaphor: Taking the Report of the 19th National Congress of the Communist Party of China as an Example]. *广西职业技术学院学报*, 011 (003), 100–104.

Submitted: 12.02.2021

Accepted: 28.03.2021

УДК 811.111-26

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ФИЛЬМОНИМАХ РОССИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО КИНОДИСКУРСА

Л. Ю. Дондик

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
dondik2006@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются коммуникативные стратегии, которые использовались создателями фильмонимов в кинодискурсе России и Франции за последние двадцать лет (2001—2020 г. г.). В результате анализа выборки сделан вывод о рекламном назначении современных фильмонимов. Установлено, что фильмонимами реализуются позиционирующие и оптимизирующие стратегии коммуникативного воздействия. К позиционирующим относятся стратегии представления темы, представления главного героя, жанровой дифференциации, представления места действия кинофильма. Вместе с тем показано, что ведущее место по частотности как в российском, так и во французском кинодискурсе занимают фильмонимы, привлекающие внимание массового зрителя на основе оптимизирующих стратегий коммуникативного воздействия. К оптимизирующим могут быть отнесены стратегии создания интриги, эффекта неожиданности, лингвокреативная, ассоциативная, оценочная и дезориентирующая стратегии.

Ключевые слова: кинодискурс; фильмоним; кинотекст; коммуникативная стратегия; стратегии рекламирования.

1. Введение

Значительный интерес лингвистики к изучению кинодискурса связан с возросшим влиянием кинематографа на особенности мировосприятия современного человека [Нелюбина, 2013, с. 71]. Кинодискурс как целостное единство вербальной, невербальной (звуковой и визуальной) составляющих относится к креолизованному типу, который «создается средствами киноязыка на основе киносценария, с учетом литературных произведений, по которым был написан сценарий и / или снят кинофильм» [Духовная, 2015, с. 66].

Фильм — это произведение кинематографического искусства, создаваемое на основе съемочной техники, обладающее собственными разделительными средствами, использующее игру актеров и разные изобразительные средства, такие как музыку, живопись, звукозапись [Сметанина 2002]. По способу создания кинодискурс относится к коллегиальному типу; по воздействию на аудиторию, это тексты, рассчитанные на одновре-

менное воздействие и на конкретные социальные институты или конкретных лиц и на сознание массовой аудитории [Сыров, 2002, с. 63].

Содержание кинодискурса определяется не только его создателями, но и аудиторией: зрители не пассивны и предсказуемы, а активны и переменчивы в своих реакциях [Корячкина, 2017].

Следует отметить, что данный тип дискурса имеет характеристики, сближающие его с художественным дискурсом, а также с дискурсом СМИ. В частности, это проявляется в функционировании фильмонимов обнаруживающих особенности, свойственные для дискурса рекламы.

Фильмоним – это «многогранная языковая единица», которая выступает «посредником между вертикальным контекстом (интертекстуальность) и адресатом, воспринимающим сообщение сквозь призму своего когнитивного опыта и эмоционально-ценностных установок» [Анисимов, 2019, с. 441-442].

Н. Н. Сабянин акцентирует внимание на значительной «заряженности заголовка в интенциональном плане» [Сабянин, 2012, с. 122]. Полифункциональность фильмонима обусловлена его прагматической заданностью, его назначением рекламировать конкретный кинопродукт. Подобно рекламному сообщению [Лазарева, 2006, с. 158] фильмоним способен привлечь внимание потенциального зрителя, удерживать его интерес, тем самым побуждать его к определенным действиям – к принятию решения о просмотре фильма. Кинозаголовок направляет восприятие фильма в процессе просмотра и дальнейшее осмысление кинотекста по завершению просмотра. Эффективность медиатекста во многом определяется его заглавием [Ноздрина, 1982, с. 18].

Если рассматривать рекламу как сообщение, «главной коммуникативной целью которого является убеждение в необходимости приобретения / использования какого-либо товара или услуги» [Мельничук, 2018, с. 151], то можно говорить и о рекламном назначении кинозаголовка, который нацелен на то, чтобы убедить адресата посмотреть рекламируемый им фильм.

Необходимость реализации рекламной функции определяет выбор коммуникативной стратегии фильмонима [Подымова, 2006, с. 5]. Под коммуникативной стратегией мы понимаем наличие у адресанта определенного общего плана по достижению коммуникативной цели, состоящей в установлении контакта с аудиторией и привлечения к просмотру кинокартины максимального числа зрителей [Асратян, 2015, с. 17].

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужила составленная сплошным методом выборка фильмонимов русского и французского художественного кинодискурса за период 2001–2020 гг. Всего в выборку включено 192 франкоязычных и 150 русскоязычных кинозаголовков.

В настоящей работе используется методика исследования коммуникативных стратегий Ю. К. Пироговой [2001]. Суть методики заключается в разграничении заголовков, в которых реализуются оптимизирующая и позиционирующая коммуникативные стратегии. Позиционирующие стратегии основаны на ориентации коммуниканта при создании заголовка на приоритет информативной функции, то есть кинозаголовок привлекает внимание за счет позиционирования содержания самого фильма или какого-либо его аспекта. Оптимизирующие стратегии связаны с ориентацией коммуниканта при создании заголовка на приоритет аттрактивной функции. Фильмонимы, реализующие оптимизирующие стратегии, имеют более ярко выраженный рекламный характер и в крайнем своем проявлении могут быть не связаны вообще или косвенно связаны с содержанием кинофильма.

3. Анализ коммуникативных стратегий

Как показал проведенный анализ фильмонимов российского и французского кинодискурса, к их классификации вполне применимы стратегии, которые фиксируются обычно в исследованиях рекламных стратегий. Нами была использована классификация Ю. К. Пироговой, согласно которой следует различать позиционирующие и оптимизирующие рекламные стратегии [2001, с. 214].

К позиционирующим можно отнести фильмонимы, сообщающие в нейтральной манере информацию о содержании фильма, его теме, жанре, месте действия, главном герое. Например, французский фильмоним *Les acteurs* («Актеры») позиционирует данный кинопродукт как картину, посвященную представителям актерской профессии. И, поскольку жизнь актеров всегда вызывает интерес широкой аудитории, такого лаконичного фильмонима оказалось достаточно для привлечения внимания зрителей к результату работы режиссера Бертрана Блие, который снял в своем фильме рекордное количество популярных французских кинозвезд.

Еще одним примером реализации позиционирующей стратегии можно считать французский фильмоним *Un homme et une femme* («Мужчина и женщина»), который отсылает к теме взаимоотношения полов, и позволяет зрителю сделать предположение о жанре кинокартины.

Стратегия жанровой дифференциации также может быть отнесена к позиционирующим. Она состоит в том, что заголовок позволяет зрителю догадаться о жанровой принадлежности фильма, тем самым формируя у него некоторый прогноз, ожидание от просмотра. Например, любители триллеров, криминального кино обратят внимание на фильмонимы, называющие оттенки красного и черного цветов (*Les Rivières pourpres*, *Le fleuve noir*, *La Boîte noire*), вызывающие ассоциации с кровью, насилием, смертью. За счет особой лексики, характерной для хоррор-дискурса, достаточно легко идентифицируются многие названия фильмов ужасов (*La nuit des morts-vivants*, *Zombie*; «Рассвет мертвецов», «Пила»).

Всего в корпусе выборки нашего исследования французского кинодискурса, включающем 192 единицы, в рамках позиционирующих стратегий обнаружено 28 фильмонимов (*Adolescentes*, *Antoinette dans les Cévennes*), что составило 14,6 % от общего количества примеров. Для кинозаголовков российского дискурса позиционирующие стратегии свойственны в меньшей степени: от общего числа примеров (150) насчитывается 12 позиционирующих фильмонимов, что составляет 8 % («Верность», «Цой», «Юморист»).

Соответственно, как в российском, так и во французском кинодискурсе наибольшее количество фильмонимов реализует оптимизирующие стратегии, ориентированные на повышение прагматической эффективности кинозаголовка. В оптимизирующих заголовках на первый план выходит экспрессивность, эмоциональность, оригинальность, информативность уходит на второй план.

Таблица 1 – Количественное соотношение коммуникативных стратегий, реализуемых в фильмонимах российского и французского кинодискурса

Стратегии	Российский кинодискурс (%)	Французский кинодискурс (%)
Позиционирующие	8	14,6
Оптимизирующие	92	85,4
Всего:	100	100

Заглавия многих фильмов несут в себе заметную прагматическую нагрузку, оптимизируя воздействие, оказываемое на зрителя. Нередко в российском кинодискурсе это достигается за счет использования эмоционально-экспрессивной лексики – пейоративов, сленгизмов, просторечий («Дылда», «Бабло», «Решала», «Черта с два», «Папа, сдохни!»). Подобные фильмонимы встречаются и во французском дискурсе (*Tais-toi*, *Adieu les cons*, *Les Tontons flingueurs*, *Y'a du dialogue, mec*).

Фильмоним «Каменная башка», использованный для кинокартины, в которой дебютировал в качестве актера боксер Николай Валуев, построен на метафоре и употреблении просторечной лексики. Это позволило создателям фильма не только привлечь внимание массового зрителя, но уже в фильмониме создать образ и выразить авторское отношение к главному герою: фильм посвящен боксеру Егору Головину, попавшему в автокатастрофу и страдавшему провалами в памяти.

Французский фильмоним *J'ai tué ma mère* относится к разряду заголовков-противоречий. С одной стороны, фильмоним вызывает чувства ужаса, страха, отвращения, негодования: убийство во всех культурах и религиях считается смертным грехом и тягчайшим преступлением; с другой стороны, лексема 'мама' ассоциируется у многих с домом, защи-

той, детством. В фильме рассказывается о многочисленных конфликтах между сыном и матерью, которые переходят в болезненную фазу. Это кинокартина о том, как близкие люди могут быть парадоксально далеки друг от друга.

К заголовкам-противоречиям также можно отнести российский фильм «Обыкновенная казнь». Лексема 'казнь' способна вызвать у адресата эмоции страха, сострадания, отвращения. Этому противоречит эпитет 'обыкновенная'. В процессе просмотра зритель узнает, что фильм метафоричен: сюжет фильма построен на медленном и планомерном подавлении личности героини фильма.

Повышению прагматической эффективности кинозаголовка служит использование различных приемов языковой игры (*Хамза, Mes chiens méchants*; «Бабье лето», «Вы чьё, старичьё?»), метафор («Кастинг»; *Le lièvre et la tortue*), эпитетов («Вольный ветер», «Роковая ночь»; *Le vol étrange, Les herbes sauvages*), антитезы («Все или ничего», «Все умрут, а я останусь»; *Les Dieux et les gens*).

Французский фильм *Les anges exterminateurs* («Ангелы возмездия») построен на оксюморе, на сочетании несочетаемого. Ангелы – это посланники Бога, символизирующие свет, добро, что противоречит понятию о мести. Засчет фильмонима, построенного на оксюморе, создается интрига, которая разрешится в ходе просмотра фильма. Зритель узнает, что ангелы возмездия – это женщины, скрытые желания которых неожиданно вырываются наружу.

Французский фильм *L'Antidote* (Противоядие) был переведен для российского кинопроката как «Плюшевый синдром». И оригинальный, и переводной фильмонимы отличаются образностью. Однако осмыслить метафору и понять, что «плюшевый синдром» – это состояние главного героя, Жана Марти, утопающего в роскоши, но глубоко несчастного, склонного к депрессии и трусливого, а противоядие – средство вывести главного героя из депрессии, зритель узнает в процессе восприятия кинотекста. Заголовок относится к интригующим фильмонам.

При первом восприятии метафорического кинозаголовка российского фильма «Качели» у зрителя также возникает определенный ассоциативный ряд и предположительные варианты интерпретации фильмонима. Просмотр фильма позволяет увидеть сферу-мишень метафоры: качели – это жизнь человека, в которой всегда есть постоянное движение вперед и назад, добро и зло, переход от одних событий к другим, а также постоянная борьба с самим собой и обстоятельствами.

Заголовок российского фильма «Дом Солнца» отличается тем, что производит эффект обманутого ожидания. При первом ознакомлении с фильмонимом могут возникнуть ассоциации с теплом, уютом, летом. Солнце может быть метафорой жизни, света. Однако в процессе про-

смотра выясняется, что Солнце – прозвище главного героя, лидера молодежного движения хиппи, призывающего людей к миру и любви.

В рамках стратегии создания интриги во французском кинодискурсе функционирует значительное количество фильмонимов. При этом есть не только противоречивые и парадоксальные заголовки, но и те, которые сложно непонятны вообще. Например, сложно спрогнозировать содержание кинокартины по французскому фильмониму *Le scaphandre et le papillon* («Скафандр и бабочка»). Бабочка оказывается метафорой свободы, а скафандр символизирует клетку, которой стал паралич для 43-летнего редактора журнала *ELLE* Жана-Доминика Боби, перенесшего сильнейший инсульт.

Достаточно большим количеством как в российском, так и во французском кинодискурсе, представлены интригующие фильмонимы, называющие имя собственное главного героя. При этом, поскольку имя выбирается необычное, для зрителей до просмотра остается непонятным, о чем или о ком идет речь. Остается непредсказуемым до просмотра сюжет фильма, жанр, место действия. Это случай французского фильмонима *Vamboa* («Бамбу»), а также заголовка российского фильма «Кука». Если первый оказывается кличкой щенка, которого заводит молодая пара, то второй – именем главной героини.

Для привлечения внимания в фильмонимах нередко используются иностранная лексика. Например, во французском кинодискурсе достаточно много заголовков с вкраплениями англоязычной лексики (*Dofus, livre 1: Julith*), либо полностью иноязычных (*Play, Felicità, Pattaya*). Примером может служить российский фильмоним «Папараца», восходящий к итальянскому антропониму из фильма Ф. Феллини «Сладкая жизнь», ставший именем нарицательным для обозначения светских фотохроникёров (папарацци). Использование иностранного слова в заголовке способствует привлечению внимания зрителей, а его неправильное написание придает пренебрежительный оттенок, свидетельствует об иронической оценке автором главной героини – девушки, зарабатывающей на жизнь в одном из московских журналов.

Провокационный французский фильмоним *Je te mangerai* («Я тебя съем») создает интригу, зритель строит догадки и предположения, но уже в процессе просмотра узнает, что фильм – об отношениях двух людей, которые абсолютно разные, но вынуждены жить под одной крышей.

К интригующим заголовкам следует отнести французский фильмоним *Peut-être* («Возможно»), рождающий у адресата множество предположений, версий, вопросов. Отсутствие какого-либо знака препинания еще больше способствует появлению интриги. Его можно истолковать и как призыв, и как руководство к действию, и как робкое внутреннее (мысленное) утверждение, и как вопрос самому себе, поскольку дога-

даться о сюжете невозможно. В фильме тесно переплетаются прошлое и будущее, главный герой перемещается на 70 лет вперед и видит сына, которого в настоящем не готов завести. Сын говорит ему, что если он так и не решится, то будущего просто не будет – их род закончится на нем.

Максимально лаконичный интригующий фильм «Я», который близок и понятен каждому, по-новому раскрывается в картине российского производства, представляющей собирательный образ целого поколения людей, живших в 90-е годы. Задумка авторов состояла в том, чтобы в ходе просмотра зритель почувствовал, что становится частью сюжета, что речь идет и о его жизни тоже, что все события аналогичны тем, что происходили с ним, его близкими в период распада СССР.

Особо может быть выделена группа фильмонимов, первое восприятие которых существенно отличается от того впечатления, которое получает зритель в процессе просмотра самого фильма. Так, дезориентирующую стратегию реализует фильмоним «Тихая застава», который может вызвать у потенциального зрителя ощущение безмятежности, спокойствия, размеренной жизни гарнизона. Однако в ходе просмотра фильма, основанного на реальных событиях, он увидит множество жестоких сцен войны, связанных с вторжением афганских и таджикских боевиков.

Заголовок фильма «Варенье из сакуры» также представляется дезориентирующим, так как достаточно отдаленно соотносится с самим фильмом, его сюжетом и не предвещает того, что с приездом известного кризисного директора из Японии в компании начнется настоящая война на выживание.

С точки зрения анализа коммуникативных стратегий представляет интерес фильмоним «Высоцкий. Спасибо, что живой». Он состоит из двух частей, разделенных точкой, и если первая часть является информативной, она нейтрально позиционирует содержание, жанр и главного героя кинокартины, то вторая является примером реализации оптимизирующей стратегии – стратегии создания фильмонима, который может быть интерпретирован неоднозначно. Зритель сам решает, как интерпретировать вторую часть фильмонима, как ответить на вопрос о том, кого благодарят создатели фильма – самого Высоцкого или всех, в чьей памяти он жив, или авторам, «оживившим» его. Безусловно, позиционирующий фильмоним в данном случае привлекателен для многих, так как сообщает тему, интересующую многочисленных поклонников таланта, личности, песен героя. Однако вторая часть делает кинозаголовок не тривиальным и экспрессивным.

4. Заключение

Итак, кинотекст – это сложная креолизованная структура, которая, включает вводную часть, завязку, фабулу, второстепенные сюжетные

линии, кульминацию, развязку. Ввиду значительной коммерциализации современной сферы кинодискурса, ввиду того, что фильмоним является торговой маркой некоторого фильма как продукта киноиндустрии, основным назначением кинозаголовка стала реализация рекламной, или аттрактивной, функции, то есть привлечение к его восприятию максимального числа зрителей. С одной стороны, фильмоним подготавливает к пониманию кинотекста, с другой стороны, он может стать до конца понятным только после просмотра фильма.

Французские и российские фильмонимы имеют схожие функции, однако прослеживаются и некоторые черты различия, обусловленные дифференцированными способами реализации данных функций во французском и русском кинодискурсе. Выбор языковых средств для создания фильмонима весьма широк, но должен отвечать требованиям информативности, лаконичности, экспрессивности. Наиболее привлекательны для зрителя экспрессивные и оригинальные заголовки, реализующие оптимизирующие стратегии коммуникативного воздействия. Достаточно часто используются фигуры речи, иноязычные лексемы, эмоционально-оценочная лексика, многозначные слова, которые могут быть интерпретированы аудиторией неоднозначно.

К позиционирующим относятся стратегии представления главного героя, жанра, темы, места действия фильма. Оптимизирующие стратегии отличаются большей вариативностью, поскольку каждый автор определяет свои собственные критерии прагматической эффективности фильмонима. Разнообразие подходов к реализации оптимизирующих стратегий в фильмонимов позволяет в наиболее полной мере раскрыть многогранность фильмов, функционирующих в кинодискурсе России и Франции.

Список литературы

Анисимов, В. Е. Лингвокультурная локализация кинозаголовков / В. Е. Анисимов, А. С. Борисова, Г. Р. Консон. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. – 2019. – № 2 (23). – С. 435–459. – Текст : непосредственный.

Асратян, З. Д. Дискурс и текст художественного произведения / З. Д. Асратян. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – № 4 (12). – С. 17–20.

Духовная, Т. В. Структура кинодискурса / Т. В. Духовная. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1 (43): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 64–66.

Корячкина, А. В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретативно-коммуникативного перевода: специальность 10.02.02 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой

степени кандидата филологических наук / Корячкина Антонина Викторовна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2017. – 312 с. – Текст : непосредственный.

Лазарева, Э. А. Заголовочный комплекс текста / Э. А. Лазарева. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 40. – С. 158–166.

Мельничук, Т. А. Роль вербального компонента в реализации коммуникативной цели мужской спортивной рекламы в англоязычных журналах / Т. А. Мельничук. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 1 (78). – С. 151–154.

Нелюбина, Ю. А. Кинодискурс как объект лингвистического изучения / Ю. А. Нелюбина. – Текст : непосредственный // Челябинский гуманитарий. Филология и искусствоведение. – 2013. – № 4 (23). – С. 71–74.

Ноздрина, Л. А. Заглавие текста / Л. А. Ноздрина. – Текст : непосредственный // Грамматика и смысловые категории текста. – 1982. – Вып. 182. – С. 11–20.

Сабянин, Н. Н. Коммуникативные стратегии заголовков рекламных статей / Н. Н. Сабянин. – Текст : непосредственный // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2012. – № 6 (11). – С. 122–126.

Сметанина, С. И. Медиатекст в системе культуры / С. И. Сметанина. – Санкт-Петербург : Астрель, 2002. – 131 с. – Текст : непосредственный.

Сыров, И. А. Функционально – семантическая классификация заглавий и их роль в организации текста / И. А. Сыров. – Текст : непосредственный // Научные доклады высшей школы. Серия : Филологические науки. 2002. – № 3. – С. 59–68.

Пирогова, Ю. К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) / Ю. К. Пирогова. – Текст : непосредственный // Проблемы прикладной лингвистики / Отв. ред. А. И. Новиков. – Москва : Азбуковник, 2001. – С. 209–227.

Подымова, Ю. Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации кандидата филологических наук / Подымова Юлия Николаевна ; Адыгейский государственный университет. – Майкоп, 2006. – 25 с. – Текст : непосредственный.

Получена: 10.02.2021

Принята: 02.04.2021

COMMUNICATIVE STRATEGIES IN FILM TITLES IN RUSSIAN AND FRENCH CINEMATIC DISCOURSE

L. Yu. Dondik

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
dondik2006@yandex.ru

Abstract. The article deals with communicative strategies used in film titles in the cinema discourse of Russia and France over the past twenty years (2001-2020). As a result of the sample analysis, a conclusion is made about the advertising purpose of modern film names. The study revealed that film titles implemented positioning and optimizing strategies of communicative action. Positioning strategies include genre differentiation and theming strategies. Also, filmmakers regularly refer to the names of movie characters in their film titles. At the same time, it is shown that the leading place in terms of frequency in both the Russian and French film discourse is occupied by optimizing strategies of communicative influence, that is, strategies for attracting the attention of the mass audience to watching the film: strategies for creating intrigue, the effect of surprise, linguistic and creative, associative, evaluation and deceptive strategy.

Key words: the cinema discourse; film title; film text; communication strategy; strategies of advertising.

References

- Anisimov, V. Ye., Borisova, A. S., & Konson, G. R. (2019). Lingvokulturnaya lokalizatsiya kinozagolovkov [Linguocultural localization of movie titles]. *Russian Journal of Linguistics*, 2(23), 435–459.
- Asratyan, Z. D. (2015). Diskurs i text khudojestvennogo proizvedeniya [Discourse and text of a work of art]. *Vestnik YuRGU. Linguistics*, 4(12), 17–20.
- Dukhovnaya, T. V. (2015). Film discourse structure [The structure of film discourse]. *Filologicheskiye nauki. Voprosi teorii i praktiki*, 1(43), 64–66.
- Koryachkina, A. V. (2017). *Angloyazichniy khudojestvenniy kinodiskurs i potentsial yego interpretativno-kommunikativnogo perevoda* [English-language artistic film discourse and the potential of its interpretive and communicative translation]. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University.
- Lazareva, E. A. (2006). Zagolovochniy kompleks teksta [Title complex of the text]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, 40, 158–166.
- Melnichuk, T. A. (2018). Rol' verbalnogo komponenta v realizatsii kommunikativnoy tseli mujskoy sportivnyy reklami v angloyazichnikh jurnalakh [The role of the verbal component in the implementation of the communicative goal of male sports advertising in English-language magazines]. *Filologicheskiye nauki. Voprosi teorii i praktiki*, 1(78), 151–154.

Medvedeva, Ye. A. (2004). *Reklamnaya kommunikatsiya* [Advertising communication]. Moscow: Editorial URSS.

Nelyubina, Yu. A. (2013). Kinodiskurs kak obyekt lingvisticheskogo izucheniya [Film discourse as an object of linguistic study]. *Tchelyabinskiy gumanitariy. Filologiya i iskusstvovedeniye*, 4, 71–74.

Nozdrina, L. A. (1982). Zaglaviye teksta [Title of the text]. *Grammatika i smisloviye kategorii teksta*, 182, 11–20.

Sabyanin, N. N. (2012). Kommunikativniye strategii zagolovkov reklamnikh statey [Communicative strategies of headings of advertising articles]. *Vestnik NGU. Istoriya, filologiya*, 6, 122–126.

Smetanina, S. I. (2002). *Mediatekst v sisteme kulturi* [Media text in the system of culture]. Saint-Petersburg: Astrel.

Syrov, I. A. (2002). Funktsionalno-semanticheskaya klassifikatsiya zaglaviy i ikh rol v organizatsii teksta [Functional-semantic classification of titles and their role in the organization of the text]. *Nauchniye doklady visshykh shkoly. Filologiya*, 3, 59–68.

Pirogova, Yu. K. (2001). Implitsitnaya informatsiya kak sredstvo kommunikativnogo vozdeystviya i manipulirovaniya [Implicit information as a means of communicative influence and manipulation]. In A. I. Novikov (Ed.), *Problemy prikladnoi lingvistiki* (pp. 209–227). Moscow: Azbukovnik.

Podymova, Yu. N. (2006). *Nazvaniya filmov v strukturno-semanticheskoy i funktsionalno-pragmaticheskoy aspektakh* [Film titles in structural-semantic and functional-pragmatic aspects]. [Candidate dissertation, Adigeiskiy gosudarstvenniy universitet].

Submitted: 10.02.2021

Accepted: 02.04.2021

УДК 81.42

МЕТАФОРЫ ИЗ СФЕРЫ-ИСТОЧНИКА «МЕХАНИЗМ» КАК СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИНЦИДЕНТА В СОЛСБЕРИ В СМИ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Е. А. Вахмянина

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
katushka-47@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности метафорической концептуализации событий в Солсбери со сферой-источником «Механизм» в СМИ Великобритании и России. Методология исследования основывается на теории концептуальной метафоры и методике метафорического моделирования. Материалом исследования послужили 100 метафорических словоупотреблений, связанных с ситуацией в Солсбери и появившиеся в британских СМИ и 100 метафорических словоупотреблений в материалах российских СМИ, посвященных этому событию в 2018–2020 гг. Для изучения особенностей функционирования метафор, описывающих данное событие, применялась методика метафорического моделирования (методика исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии) и дискурсивный анализ. Выявлены особенности функционирования сферы-источника «Механизм» при концептуализации событий в Солсбери: Россия и Великобритания концептуализируются как бездушные машины, а участники событий – как детали большого механизма, которым управляет государство.

Ключевые слова: политический дискурс, отравление в Солсбери, политический нарратив, концептуальные метафоры, медиадискурс.

1. Введение

4 марта 2018 года в британском городе Солсбери был отравлен бывший полковник ГРУ Сергей Скрипаль и его дочь Юлия. Следствие выдвинуло версию, что они были отравлены нервно-паралитическим веществом, известным как «Новичок». Правительство Великобритании выдвинуло обвинения в сторону России в причастности к покушению на убийство. Вслед за Великобританией обвинения были выдвинуты рядом стран Европейского Союза, а также США, были введены пакеты санкций. В России все обвинения были опровергнуты, а данная ситуация была названа провокацией, а само покушение – постановкой, организованной спецслужбами Великобритании и США. Британская сторона обозначила в качестве главных подозреваемых «офицеров ГРУ», прибывших в Солсбери под именами Александра Петрова и Руслана Боширова. Позже к ним добавился еще один фигурант – Сергей Федотов. Этот инцидент привел к новому витку ухудшения российско-британских отношений. Осенью 2019 года Евросоюз

еще на год продлил санкции против России. В январе 2020 года состоялась первая встреча президента РФ и премьер-министра Великобритании. На встрече было сообщено о неизменности позиции Великобритании по инциденту в Солсбери и о том, что нормализации отношений между странами не будет, пока Россия угрожает безопасности Великобритании и её союзников. По состоянию на январь 2021 дело всё еще не закрыто, никаких официальных обвинительных приговоров не вынесено. 7 июня 2020 года издание «The Sunday Times» сообщило, что Скрипали сменили личности и переехали в Новую Зеландию.

Данное событие активно обсуждается как в российских, так и в зарубежных СМИ. Оно оказало сильное влияние на взаимоотношения России и Великобритании, а также России и ряда других европейских стран и США. Исследование концептуальных метафор, отражающих концептуализацию данной ситуации в СМИ позволит проследить различия в осмыслении нарратива читателями российских и британских СМИ.

Исследователи политического дискурса в своих трудах обращают внимание на важность анализа концептуальной метафоры, что объясняется наличием взаимосвязи между метафорой и концептуальной системой человека [Балашова, 2020; Баранов, 2014; Будаев, 2006; Теория и методика, 2016; Чудинов, 2001]. Метафора может определять сознание человека, влиять на его картину мира и, следовательно, являться мощным инструментом манипуляции. Это обстоятельство обуславливает высокий интерес к изучению концептуальных метафор у исследователей когнитивных особенностей дискурса [Anikin et al., 2015; Будаев, Чудинов, 2020; Дзюба, 2017; Дулесов, 2018; Пологова, 2020; Сегал, 2017; Солопова и др., 2020; Чудакова, 2015; Чудинов, 2004].

Концептуальная метафора – когнитивный феномен, поэтому предмет нашего исследования требует опираться на когнитивную парадигму языкознания. Когнитивная лингвистика – научное направление, в котором язык рассматривается как общий когнитивный механизм и когниция в её языковом отражении. Целью этого направления является описание зависимости между различными структурами знаний и языком. В центре когнитивной лингвистики находятся структуры и функции языка, которые отвечают за прием, обработку, хранение полученных человеком знаний об окружающем мире [Скребцова, 2018]. В когнитивной лингвистике язык рассматривается как главное средство выражения мысли, поэтому изучение языка – косвенный путь изучения познания [Greenberg, Harman, 2006].

Важное место в изучении когнитивных процессов занимает изучение метафоры. Развитие когнитивной науки позволяет ученым предположить, что суть метафоры не ограничивается уровнем языка. Американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей работе «Metaphors We Live by» разработали теорию концептуальной метафоры, в которой они утверждают, что метафора принадлежит не к сфере слов, а к сфере мышления. Ав-

торы теории отмечают, что вся понятийная система человека, при помощи которой он мыслит и действует, метафорична по своей сути [Lakoff, Johnson, 2004].

В современной когнитивной лингвистике метафору принято определять как ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [Чудинов, 2004, с. 104]. Согласно когнитивной теории метафоры, в основе метафоризации находится процесс обработки и взаимодействия между структурами знаний (фрейм и сценарий) двух ментальных пространств – пространства-источника (сфера-источник) и пространства-цели (сфера-мишень) [Lakoff, Johnson, 1980]. В ментальном пространстве (или концепте) отражается опыт человека в его взаимодействии с окружающим миром. Сфера-мишень – концепт, который подвергается переосмыслению, сфера-источник – концепт, посредством которого происходит это переосмысление.

После когнитивного поворота (cognitive turn) в лингвистике во главу угла становится изучение взаимосвязи между знаниями, заложенными в языке, с субъектом восприятия, мышления и поведения. Когнитивистов интересует то, как в языке отображается ментальный мир, наполненный понятиями, образами, концептами.

Исследователи, занимающиеся изучением концептуальной метафоры в политическом дискурсе, сходятся во мнении, что политическая метафоры может быть совершена манипуляция общественным сознанием. С момента появления когнитивной лингвистики и в течение всего её развития появилось множество теорий исследования концептуальной метафоры, которые объединены общим взглядом на метафору, опирающемся на онтологический статус и эпистемологическую роль в исследовании значения концептуальной метафоры в дискурсе.

Освещаемое как в русскоязычных, так и в иностранных СМИ, происшествие в Солсбери является острым и бурно обсуждаемым политическим событием, которое оказало сильное влияние на взаимоотношения двух стран, России и Великобритании. Изучение концептуальных метафор, связанных с данной ситуацией, может внести свой вклад в понимание политических процессов в обществе на данном историческом этапе.

2. Материал и методика исследования

В качестве материала исследования послужили 100 метафорических словоупотреблений в британских СМИ (The Guardian, The Times, The Sun, The Independent, The Daily Mail, BBC News, Channel 4 News, The Conversation) и 100 метафорических словоупотреблений в материалах российских СМИ («Российская газета», «Ведомости», «Радио Свобода», «Эхо Москвы», «РИА Новости», «Комсомольская Правда», «Коммерсантъ», «Первый канал»), посвященных инциденту в Солсбери. Хронологические рамки выборки – 2018–2020 гг.

Методология исследования основывается на теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), которая далее развивалась в теории метафорического моделирования на основе когнитивно-дискурсивной парадигмы (А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, Э. В. Будаев, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов).

Методы исследования: описание, выборка, метафорическое моделирование (методика исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии), дискурсивный анализ нарратива.

Согласно методике метафорического моделирования, для описания метафорической модели необходимо охарактеризовать следующие её составляющие: исходная понятийная область; новая понятийная область; типовые для данной модели фреймы; компонент, который связывает первичные и метафорические смыслы охватываемых данной моделью единиц; дискурсивную характеристику модели и типовые направления развертывания метафорической модели в тексте и дискурсе.

Многие исследователи в своих работах доказывают, что метафора может являться мощным политическим инструментом – поэтому при когнитивно-дискурсивном подходе целью является выявление взаимосвязи между метафорами и факторами, которые стали причиной появления этих метафор. Сами метафоры рассматриваются как часть политического нарратива, понимаемого как совокупность дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события.

Для описания когнитивных структур используется понятие фрейма. Фрейм – структурированная ментальная информация, обобщенная схема предмета или ситуации, помогающая сознанию однозначно определить объект, отнеся его к определенному классу объектов. М. Л. Минский установил два вида фреймов – собственно фрейм и сценарий (динамический фрейм, фрейм в действии) [Минский, 1979]. Обычно фрейм представляет из себя упорядоченную структуру, состоящую из господствующего узла и определенного количества подчиненных узлов или слотов. Так, например, фрейм «Театральная постановка» включает такие слоты, как актеры, зрители, билеты, театр, декорации и т.п.

Для исследования функционирования политической метафоры необходимо принимать во внимание особенности дискурса, в котором она функционирует. В лингвистике многие ученые определяют дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), которые необходимы для понимания текста» [Караулов, 2004, с. 8].

Когнитивно-дискурсивная парадигма, предложенная Е. С. Кубряковой, предполагает изучение метафор с учетом разнообразных взаимоотношений между языком, мышлением и коммуникацией, между спецификой

политического дискурса и состоянием общества [Кубрякова, 2012]. При таком подходе предметом исследования становится метафорическая модель – существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, в которой система фреймов сферы-источника является основой для моделирования понятийной системы сфера-мишени [Чудинов, 2003]. При таком моделировании сохраняется эмотивный контекст сферы-источника, что создает возможности для воздействия на эмоционально-волевою сферу читателя.

В данной статье рассматриваются особенности функционирования концептуальных метафор со сферой-источником «Механизм» в политическом нарративе, связанном с отравлением Сергея и Юлии Скрипаль в 2018 году в британском городе Солсбери.

3. Анализ британских и российских механистических метафор в нарративе «инцидент в Солсбери».

Как показал анализ, метафоры со сферой-источником «Механизм» используются примерно одинаково и в российских, и в британских СМИ – в британских СМИ данная сфера-источник составляет 15% от общего корпуса изученного материала, в российских – 14%. Метафоры механизма традиционно относятся к основным субсферам концептуальных метафор. Образы человека, общества и мира в целом как сложно организованной машины часто встречаются в публицистических, политических, философских работах [Глебкин, 2012; Керимов, 2005; Чудинов, 2001 и др.]. Однако при сопоставительном анализе обнаруживаются некоторые дискурсивные различия использования данной сферы-источника в СМИ.

Рассмотрим фреймовую структуру механистической метафоры, актуализированной в рассматриваемом нарративе.

Фрейм «The state (and its components) – a streamlined mechanism»

Канал Russia Today выпустил интервью с главными подозреваемыми в «деле Скрипалей» (Р. Башировым и А. Петровым), после чего медиа разных стран начали обвинять канал в пособничестве государству, в пропаганде невиновности России. Ср.:

Russian-backed broadcasting's function as an engine of malevolent propaganda also needs more scrutiny (The Guardian / 9.03.2018). – Телевещание, поддерживаемое Россией и выполняющее функцию двигателя злонамеренной пропаганды, также нуждается в более тщательном изучении.

«What is really striking is that you no longer see the Russian machine pushing a single message, it pushes dozens of messages,» said Ben Nimmo, a senior fellow at the Atlantic Council who studies Russian disinformation (BBC News. 9.09.2018). – «Что действительно удивительно, так это то, что вы больше не видите, как российская машина делает единственное заявление, она делает десятки заявлений», – сказал Бен Ниммо, старший сотрудник Атлантического совета, изучающий российскую дезинформацию.

Фрейм «Mechanism management»

Государственная машина является инструментом для реализации различных действий, по этой причине метафоры ремонта и отладки механизмов могут приносить мелиоративные смыслы в концептуализацию действительности. Плохие межгосударственные отношения осмысляются как сломанный механизм, соответственно нормализация отношений представляется с помощью метафор ремонта (to repair, to fix). Ср.:

Putin says Britain should forget Novichok «trivia» and repair Russian relations (The Daily Mail. 6.06.2019). – *Путин говорит, что Британия должна забыть о «мелочах», связанных с «Новичком», и восстановить [букв. починить] отношения с Россией.*

Фрейм «Man is part of the mechanism»

Метафора механизма может представлять определенного человека как часть или деталь единого механизма, которая должна выполнять определенные функции. Ср.:

It has been suggested that the two poisoners, Petrov and Boshirov, were paraded on television for Russian domestic consumption to give credibility to Putin's denials earlier this week that they were part of his intelligence apparatus (The Daily Mail. 14.09.2018). – *Было высказано предположение о том, что два отравителя, Петров и Боширов, были показаны по российскому домашнему телевидению, чтобы добавить убедительности отрицаниям Путина в том, что они были частью его разведывательного аппарата.*

В британских СМИ отражается мнение, согласно которому отравление семьи Скрипалей – часть тайного зловещего плана по уничтожению предателей родины, который был разработан лично президентом России. Таким образом, метафоры механизма описывают предполагаемых работников спецслужб как винтиков бездушной и мощной машины уничтожения, готовой реализовать любую задачу, чтобы добиться поставленных целей, в том числе убийство людей на территории иностранных государств.

Приводимые российской стороной факты о том, что С. Скрипаль был осуждён в России за государственную измену в форме шпионажа в пользу спецслужб Великобритании, отбывал срок наказания, а впоследствии помилован и выпущен российской стороной, не принимаются во внимание в СМИ. Предположение о том, что С. Скрипаль выпустили из российской тюрьмы, чтобы потом отравить в Великобритании лишено элементарной логики, поэтому игнорируется в британском медиадискурсе. Также умалчивается информация о том, что российская сторона готова содействовать в расследовании этого дела, если британская сторона предоставит данные о причастности России к этому инциденту, а не предположения.

Особенность механистических метафор заключается еще и в том, что они подталкивают читателей к инференции о бессмысленности вести диалог с «машиной». Логика метафорической модели инициирует сценарий

наказания того, кто этой машиной управляет, следовательно можно пренебречь правовыми нормами и правилами по отношению к «механизму».

Обращение к российским СМИ показывает, что данная метафорическая модель также широко востребована в России.

Фрейм «Управление механизмом»

Великобритания в российских СМИ при описании ситуации в Солсбери представляется как некая сила, которая управляет и регулирует процесс расследования дела, направляя его в нужную для себя сторону. Правительственные СМИ актуализируют метафоры управления механизмом в рассматриваемом политическом нарративе по отношению к Великобритании и ее спецслужбам. Оппозиционные СМИ используют ту же стратегию по отношению к российскому государству. Ср.:

В начале января хакеры из группы Anonymous опубликовали документы проекта Integrity Initiative, в которых говорится, что спецслужбы Великобритании несколько лет выжидали «катастрофу», под предлогом которой можно было бы заставить правительство затянуть гайки в сфере безопасности (Российская Газета. 17.01.2019).

С моей точки зрения, Скрипалям преподали урок. Его же траванули как бы в момент начала брожений, связанных с закручиванием гаек по санкциям (Эхо Москвы. 14.01.2020).

Как показал инцидент в Солсбери, Великобритании обладает влиянием на своих ближайших союзников (страны Евросоюза и США), которые вслед за Великобританией подготовили пакеты санкций против России и выслали российских дипломатов со своей территории. Механистические метафоры концептуализируют Россию как менее эффективный механизм по защите государственных интересов (по сравнению с Великобританией и США). Метафоры отражают представление о недостаточном потенциале влияния России в международной политике. Ср.:

Надо признать прямо: стандартных политико-дипломатических инструментов у Москвы не очень много для того, чтобы ответить на какие-то акции Соединенных Штатов, Великобритании или их союзников, в то время как у них такой инструментарий есть (Коммерсантъ. 29.03.2018). Мы не имеем таких рычагов экономического воздействия на США и Европу, как они на нас (Коммерсантъ. 29.03.2018).

Хоть Россия и не имеет такого международного влияния как Великобритания, но у нее есть свои рычаги и инструменты, которые могут внести вклад в расследование инцидента и добиться справедливости. В представлении читателя формируется образ Великобритании как машины, которая использует подобные провокации для ослабления растущего влияния России в мире. Вместе с тем последствия запущенных процессов оцениваются пейоративно по отношению к их инициаторам. Ср.:

По мне, так они не очень представляют себе все последствия процесса, который сами же и запустили (Коммерсантъ. 09.04.2018).

Фрейм «Государство (и его составляющие) – механизм»

При концептуализации российского государства как механизма, оппозиционные СМИ изображают предательство С. Скрипаля как сбой в работе, несчастный случай на производстве. Ср.:

В разведке бывает двойничество, когда кто-то работает на другие разведки. Но это несчастный случай на производстве, значит, плохо изучали, плохо проверяли (Радио Свобода. 28.06.2019).

Также для начала работы государства как механизма необходим импульс, который бы привел в движение мотор механизма и определил бы вектор дальнейшей работы. Ситуация в Солсбери стала таким импульсом и запустила сразу несколько процессов в работе государственной машины Великобритании. Ср.:

Согласно опубликованным сведениям, еще несколько лет назад сотрудники данного проекта предлагали придать толчок развитию оборонности Соединенного Королевства, создав некую «катастрофу» (Российская Газета. 05.01.2019).

Более того, российская разведка, занятая активными мероприятиями, не смогла спрогнозировать и того, что попытка отравления в Солсбери станет пусковым механизмом формирования серьезной антироссийской коалиции, в которую вошли практически все страны «западного мира», сообщают «Открытые медиа» (Открытые Медиа. 12.10.2018).

Таким образом, попытка отравления Скрипалей в российских газетах представляется как спецоперация правительства Великобритании на пути к распространению антироссийской пропаганды, с целью дискредитации России и ее руководства на мировой арене.

4. Заключение

Общественное мнение подвержено влиянию СМИ и отношение к инциденту в Солсбери может зависеть от того, как пресса освещает ситуацию, ход расследования инцидента и реакцию высокопоставленных лиц. Как показал анализ, метафоры механизма в британских СМИ позволяют концептуализировать Россию как бездушную агрессивную машину, которая не остановится ни перед чем для достижения своих целей. Механизмам чужды моральные постулаты, их функция – эффективно выполнять возложенную на них работу. Этические аспекты политических событий автоматически исключаются из концептуализации в рамках механистической метафоры, что позволяет приносить пейоративные смыслы в осмысление действий российской стороны.

В российских СМИ наблюдается обратная картина. Механистические метафоры используются столь же часто, но только в качестве сферы-мишени выступают Великобритания, США, западные спецслужбы. Читателю предлагаются те же самые образы отлаженных и бездушных механизмов, формирующие негативные прагматические смыслы, но с изменением концептов в сфере-мишени. Если же речь идет о российских оппози-

ционных СМИ, то они воспроизводят метафорические модели, транслируемые в британском медиадискурсе.

Примечательно, что данные социологических опросов согласуются с полученными результатами метафорологического анализа. В России (согласно опросу «ВЦИОМ») лишь 3% считают, что Россия может быть связана с «делом Скрипаля» – в российских СМИ акцент часто делается на то, что весь ход расследования – постановочное шоу, а Великобритания просто использует свои рычаги давления на мировой политической арене с целью снижения российского влияния. По результатам опроса британской интернет-компании по анализу данных YouGov, 75% британцев верят в причастность России к делу в Солсбери. Таким образом, метафорическая картина инцидента, представленная в СМИ, коррелирует с представлениями об инциденте в массовом сознании, полученные иными методами.

Список литературы

Балашова, Л. В. Речевая метафора как способ репрезентации образа России в современных оппозиционных массмедиа / Л. В. Балашова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2020. – № 3 (81). – С. 23–38.

Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с. – Текст : непосредственный.

Будаев, Э. В. Гендерная специфика политической метафорики / Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 1. – С. 88–92.

Будаев, Э. В. Политическая метафорология на современном этапе развития (2010–2019 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 56–70.

Глебкин, В. В. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона / В. В. Глебкин. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2012. – №3. – С. 51–68.

Дзюба, Е. В. «Бархатные» метафоры чешского политического дискурса / Е. В. Дзюба. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2017. – № 1 (61). – С. 31–40.

Дулесов, Е. П. Расширение метафоры как инструмент дискредитации позиции оппонента (на материале дореволюционных парламентских речей) / Е. П. Дулесов – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4 (57). – С. 96–100.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 2004. – 264 с. – Текст : непосредственный.

Керимов, Р. Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе : специальность 10.02.04 «германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Керимов Руслан Джаванширович ; Кемеровский государственный университет. – Барнаул, 2005. – 18 с. – Текст : непосредственный.

Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка / Е. С. Кубрякова. – М. : Знак, 2012. – 208 с. – Текст : непосредственный.

Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – Москва : Энергия, 1979. – 151 с. – Текст : непосредственный.

Пологова, К. В. Метафоры болезни как средство концептуализации движения Black lives matter в СМИ США (на примере материалов газеты The Seattle Times) / К. В. Пологова. – Текст : непосредственный // Studia Humanitatis. – 2020. – № 4. – С. 17–26.

Сегал, Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование / Н. А. Сегал. – Москва : Флинта, 2017. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы / Т. Г. Скребцова. – Москва : ЯСК, 2018. – 392 с. – Текст : непосредственный.

Солопова, О. А. Метафорический образ будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР / О. А. Солопова, Э. В. Будаев, А. В. Бойко. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2020. – № 6 (84). – С. 96–107.

Теория и методика лингвистического анализа политического текста / отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2016. – 303 с. – Текст : непосредственный.

Чудакова, Н. М. Современное российское образование – это здание на грани обрушения / Н. М. Чудакова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : Материалы Международной научной конференции / Гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2015. – С. 225–230.

Чудинов, А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 91–105.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001. – 238 с. – Текст : непосредственный.

Anikin, E. E. Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication / E. E. Anikin, E. V. Budaev, A. P. Chudinov. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3. – С. 26–32.

Greenberg, M. Conceptual Role Semantics / M. Greenberg, G. Harman. – Текст : непосредственный // The Oxford Handbook of Philosophy of Language / ed. by E. Lepore, B. Smith. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – P. 295–322.

Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 237 p. – Текст : непосредственный.

Получена: 5.01.2021

Принята: 15.03.2021

METAPHORS FROM THE SOURCE DOMAIN "MECHANISM" AS TOOLS FOR CONCEPTUALIZING THE INCIDENT IN SALISBURY IN THE RUSSIAN AND GREAT BRITAIN MEDIA

E. A. Vakhmyanina

The Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia
katushka-47@yandex.ru

The article deals with the features of the metaphorical conceptualization of the events in Salisbury with the source domain "Mechanism" in the media of the UK and Russia. The research methodology is based on the theory of conceptual metaphor and the method in the metaphorical modeling. The material of the study was 100 metaphors connected with "Salisbury poisoning" in the British media and 100 metaphors in the Russian media in 2018-2020. The methods used are the method of metaphorical modeling (the method of researching metaphors united by the source domain) and discourse analysis. The article reveals national specificity in the choice of source domain "Mechanism" when conceptualizing the events in Salisbury: Russia and the UK are conceptualized as heartless machines and the participants of the events are parts of the big mechanism ruled by the government.

Key words: political discourse, Salisbury poisoning, political narrative, conceptual metaphors, media discourse

References

Anikin, E. E., Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2015). Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 3, 26–32.

Balashova, L. V. (2020). *Rechevaja metafora kak sposob reprezentacii obraza Rossii v sovremennyh oppozicionnyh massmedia* [Discursive Metaphor as a Way of Representing Russia's Image in Modern Opposition Mass Media]. *Politicheskaja lingvistika*, 3 (81), 23–38.

Baranov, A. N. (2014). *Deskriptornaja teorija metafor* [Descriptive theory of metaphor]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury.

Budaev, E. V. (2006). Gendernaja specifika politicheskoj metaforiki [Gender specificity of political metaphors]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 1, 88–92.

Budaev, E. V. (2020). Politicheskaja metaforologija na sovremennom etape razvitiya (2010–2019 gg.) [Political metaphorology at the present stage of development]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 3, 56–70.

Chudakova, N. M. (2015). Sovremennoe rossijskoe obrazovanie – eto zdanie na grani obrushenija [Modern Russian education is a building on the verge of collapse]. In A. P. Chudinov (Ed.). *Politicheskaja lingvistika: problematika, metodologija, aspekty issledovanija i perspektivy razvitiya nauchnogo napravlenija* (pp. 225–230). Ekaterinburg, UrGPU.

Chudinov, A. P. (2001). *Rossija v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, UrGPU.

Chudinov, A. P. (2004). *Kognitivno-diskursivnoe issledovanie politicheskoj metafory* [Political metaphor: a discourse-cognition approach]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 1, 91–105.

Chudinov, A. P. (Ed.) (2016). *Teorija i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta* [Theory and methodology of linguistic analysis of political text]. Ekaterinburg, UrGPU.

Dulesov, E. P. (2018). Rasshirenie metafory kak instrument diskreditacii pozicii opponenta (na materiale dorevoljucionnyh parlamentskih rechej) [Metaphor extension as an instrument to discredit an opponent's position (based on speeches in the State Duma of the Russian empire)]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 4, 96–100.

Dzjuba, E. V. (2017). «Barhatnye» metafory cheshskogo politicheskogo diskursa [Velvet metaphors in Czech political discourse]. *Politicheskaja lingvistika*, 1 (61), 31–40.

Glebkin, V. V. (2012). Metafora mehanizma i teorija konceptual'noj metafory Lakoffa-Dzhonsona [Metaphor of mechanism and Lakoff and Johnson's conceptual metaphor theory]. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 51–68.

Greenberg, M., & Harman, G. (2006). Conceptual Role Semantics. In E. Lepore, & B. Smith (Eds.), *The Oxford Handbook of Philosophy of Language* (pp. 295–322). Oxford: Oxford University Press.

Karaulov, Ju. N. (2004). *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moskva: Nauka.

Kerimov, R. D. (2005). *Artefaktnaja konceptual'naja metafora v nemeckom politicheskom diskurse* [Artifact conceptual metaphor in German political discourse]. [Candidate dissertation, Kemerovo State University].

Kubriakova, E. S. (2012). *V poiskah sushhnosti jazyka* [In search of the essence of language]. Moscow: Znak.

Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago, University of Chicago Press.

Minskij, M. (1979). *Frejmy dlja predstavlenija znaniy* [Frames for representing knowledge]. Moscow: Energija.

Pologova, K. V. (2020). Metafory bolesti kak sredstvo kontseptualizatsii dvizheniya Black lives matter v SMI SShA [Metaphors of disease as a means of conceptualizing the Black lives matter movement in the US media (the case of The Seattle Times)]. *Studia Humanitatis*, 4, 17–26.

Segal, N. A. (2017). *Politicheskij tekst: metaforicheskoe modelirovanie* [Political text: metaphorical modelling]. Moscow: Flinta.

Skrebcova, T. G. (2018). *Kognitivnaja lingvistika: klassicheskie teorii, novye podhody* [Cognitive linguistics: classical theories, new approaches]. Moscow: JaSK.

Solopova, O. A., Budaev, E. V., & Bojko, A. V. (2020). Metaforicheskij obraz budushego Rossii v neinstitucional'nom politicheskom internet-diskurse KNR [Metaphorical Image of the Future of Russia in the Chinese Non-Institutional Political Internet Discourse]. *Politicheskaja lingvistika*, 6 (84), 96–107.

Submitted: 5.01.2021

Accepted: 15.03.2021

УДК 811.112.2'42

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА В. В. ПУТИНА В СМИ ФРГ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

А. В. Грошева

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
grosheva.nastyusha@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются оценочные суждения, представляющие эстетическую оценку президента России в СМИ ФРГ (Sueddeutsche Zeitung, Die Welt, Stern, Der Spiegel, Die Zeit и др.) и Великобритании (The Guardian, The Independent, BBC) за последние десять лет (2010–2020). Для изучения данных оценочных суждений применялся когнитивно-дискурсивный анализ и аксиологический анализ. Сделан вывод о том, что эстетические оценки являются важным критерием при составлении аксиологического портрета В. В. Путина в СМИ ФРГ и Великобритании. Выявлено, что, с одной стороны, немецкие и британские СМИ описывают В. В. Путина как харизматичного, энергичного, талантливого, здорового и спортивного политического лидера. С другой стороны, Президент России внешне ничем не отличается от простых граждан и представляется на публике безэмоциональным. Анализ показал, что оценочные суждения зависят не только от когнитивных, но и от дискурсивных факторов.

Ключевые слова: эстетическая оценка, оценочный портрет, СМИ Германии, СМИ Великобритании, политический дискурс, В. В. Путин.

1. Введение

В настоящее время СМИ оказывают огромное влияние на все сферы общественной жизни, в том числе на создание образа политических лидеров разных стран. В лингвистической науке сформировалось особое направление исследований, именуемое лингвистической персонологией, цель которой заключается в изучении различных аспектов речевой деятельности языковых личностей, в том числе высших руководителей государств мира [Голев, 2002; Мельник, 2011; Нерознак, 1996; Попов, Попова, 2020; Седов, 2008; Klyukanov, Leontovich, 2017 и др.]. В. Н. Базылев рассматривает данное направление языковедческих исследований как часть персонологии, междисциплинарной области, объединяющей возможности широкого круга гуманитарных наук [Базылев, 2005, с. 163].

При более широком подходе в лингвистическую персонологию включаются не только особенности речевого поведения политиков, но и образы самих политиков, в том числе в СМИ. Как отмечают современные исследователи, среди тенденций развития лингвистической персонологии – все более активное включение в анализ текстов СМИ, в которых создаются аксиологические, метафорические, психологические портреты политических лидеров [Чудинов, Нахимова, Никифорова, 2018]. При таком подходе

лингвоперсонологическое исследование может быть направлено не только на речь политика в СМИ, но и на образ этого политика в СМИ. Другими словами, лингвистическая персонология изучает не только то, что говорит конкретный политик, но и что говорится о конкретном политике в СМИ.

Аксиологические портреты политиков уже становились объектом внимания исследователей. Например, в монографии Е. В. Шустровой [2014] рассмотрен образ Б. Обамы в карикатурах СМИ США. Семантические доминанты внешности политика в СМИ были проанализированы в публикации Н. В. Вагенляйтнер [2012]. Роль аксиологической лексики в формировании имиджа политика проанализирована И. Н. Шустовой [2012].

Ряд исследований был посвящен изучению роли метафоры в формировании аксиологического портрета известных политических деятелей. Так, в статье О. Н. Кондратьевой [2011] проанализированы метафорические средства создания образа Ивана Грозного его политическим оппонентом князем Андреем Курбским. В диссертации А. М. Стрельникова рассмотрены метафорические оценки претендентов на президентскую должность в дискурсе выборов в России и США [2005]. Ю. А. Башкатова изучила особенности оценки внешности политиков с помощью метафор в российских СМИ [2010].

Отдельное внимание исследователей направлено на теоретические осмысление проблемы: рассмотрена типология речевых портретов политиков [Руженцева, 2019], проведен анализ методологии и методики лингвополитической персонологии [Теория и методика, 2016] и др.

Что касается образа В. В. Путина, то такие исследования тоже проводились. Например, Н. Л. Зелянская показала, что пользователи Интернета связывают образ В. В. Путина больше с концептом власти, чем с представлением об отдельной личности [Зелянская, 2014]. В публикации А. А. Алексеевой [2012] с помощью ассоциативного эксперимента продемонстрировано, что в сознании носителей русского языка В. В. Путин осмысливается как волевой, решительный, высокоинтеллектуальный и амбициозный политик, в то время как Д. А. Медведева респонденты воспринимали как нерешительного, безвольного и пассивного политика. В ряде исследований охарактеризован аксиологический портрет В. В. Путина в СМИ Германии [Грошева, 2017; 2020].

В настоящем исследовании проводится сопоставительный анализ эстетических оценок В. В. Путина в СМИ ФРГ и Великобритании.

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужили 100 немецко- и англоязычных контекстов, выражающих эстетическую оценку В. В. Путина в СМИ Германии и Великобритании в период 2012–2020 гг.

Методология исследования основывается на когнитивно-дискурсивном подходе, в основе которого лежит тезис о невозможности

четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения оценки политика. При когнитивно-дискурсивном подходе усилия направляются на то, чтобы выяснить, как изучаемое языковое явление соотносится и с когнитивными, и с дискурсивными факторами, т.е. необходимо одновременно рассматривать изучаемый объект и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен [Будаев, 2011, с. 135–136]. Соответственно только когнитивная или только дискурсивная трактовка феномена препятствует целостному описанию предмета.

В настоящем исследовании когнитивно-дискурсивный подход сочетается с методикой анализа аксиологического портрета, основанной на типологии аксиологического портрета [Арутюнова, 1999; Стрельников, 2005].

3.1. Типология оценок в лингвистической персонологии.

Одна из наиболее полных классификаций оценок была предложена финским логиком Х. фон Вригтом [1986]. В ее основе лежат такие принципы, как функциональность и компаративность. Х. Фон Вригт провел классификацию оценок по типу оцениваемого объекта и семантики сочетаний с общеоценочными прилагательными 'good' и 'bad'. При этом он выделяет нижеследующие разновидности оценок.

1. Инструментальные оценки (е.g. *хороший молоток*). Инструментальные оценки проверяются практикой и могут быть верифицированы. Служат целям рекомендации и прогнозирования.

2. Технические оценки (е.g. *плохой специалист*). Относятся к способностям, мастерству человека в определенном виде деятельности. Высказывания данной оценки нацелены на рекомендацию.

3. Оценки благоприятствования (е.g. *вредный для здоровья*);

4. Этические оценки (е.g. *доброе намерение*). Эти оценки ранжируют оцениваемую персону по критерию моральности.

5. Утилитарные оценки (*плохой план*). Основаны на выборе того, что может быть полезным или благоприятным выполнению некоторой задачи.

5. Медицинские оценки (е.g. *глупый человек*). Относятся к телесным органам и к некоторым ментальным способностям. Отрицательная оценка составляет маркированный член оппозиции и первична, а положительная – привативный и вторична.

На основе упомянутой работы Г. фон Вригта Н. Д. Арутюнова предложила свою классификацию языковых оценок [1999, с. 198]:

1. Сенсорно-вкусовые, или гедонистические, оценки (приятный/неприятный, вкусный/невкусный, привлекательный/непривлекательный).

2. Психологические оценки, в которых сделан шаг в сторону рационализации, осмысления мотивов оценки: а) интеллектуальные оценки (интересный/неинтересный); б) эмоциональные оценки (радостный/печальный, веселый/грустный);

3. Эстетические оценки, вытекающие из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок (красивый/некрасивый, прекрасный/безобразный, уродливый);

4. Этические оценки (моральный/аморальный, нравственный/безнравственный, добрый/злой, добродетельный/порочный);

5. Утилитарные оценки (полезный/вредный, благоприятный/неблагоприятный);

6. Нормативные оценки (правильный/неправильный, корректный/некорректный, нормальный/аномальный, стандартный/нестандартный; бракованный/доброкачественный, здоровый/больной).

7. Телеологические оценки (эффективный/неэффективный, целесообразный/нецелесообразный, удачный/неудачный).

Представленная классификация является широко применимой к большому числу объектов. Однако, она не позволяет в полной мере сформировать аксиологический портрет политика в СМИ. А. М. Стрельников [2005, с. 26] видоизменил классификацию объектов оценки применительно к предвыборному дискурсу, взяв за основу классификацию Н. Д. Арутюновой. Эта классификация стала включать в себя уже девять типов оценок.

1. Оценка рейтинга и шансов на победу (популярность, известность, прогнозы, симпатии, сочувствие, поддержка, рейтинг, уважение, авторитет);

2. Морально-этическая оценка (целенаправленный, смелый, волевой, честный, скромный, богобоязненный, патриотичный, беспринципный);

3. Интеллектуальная оценка (интересный, увлекательный, глубокий, умный, неинтересный, скучный, банальный, поверхностный, глупый, неспособный излагать мысли в доступной форме);

4. Эстетическая оценка (внешность, физическая форма, здоровье, спортивность, стиль одежды, привлекательность, харизматичность);

5. Утилитарная оценка (полезный, вредный, благоприятный, неблагоприятный);

6. Нормативная оценка (правильный-неправильный);

7. Телеологическая оценка (удачливый-неудачливый);

8. Оценка профессионализма (знания, умения, компетентность);

9. Оценка политического статуса (могущество, влияние).

Эта классификация в полной мере применима к анализу аксиологического портрета в СМИ в целом.

3.2. Анализ эстетических оценок В. В. Путина

Эстетическая оценка в политическом дискурсе имеет несколько иной характер, чем в других сферах (президент страны – не фотомодель или эстрадная певица). Конечно, немаловажную роль играет внешняя привлекательность, спортивность, стиль одежды, харизматичность. Вместе с тем особенно важна оценка физической формы политика (подразумевается, что лишь здоровый президент способен быть эффективным гарантом прав и

свобод граждан своей страны). В этом отношении немецкая пресса использует только положительные оценки. Российского президента характеризуют как здорового и спортивного человека, который не знает усталости и слабости. В представлении немецких СМИ российский лидер так активно проводит свои отпуска, как ни один другой человек на планете. Ср.:

Wladimir ist der aktivste Aktiv-Urlauber, den die Menschheit je gesehen hat (Jetzt, 08.08.2017).

Der Kreml veröffentlichte am Montag zahlreiche Urlaubsfotos und Videos, die zeigen, dass Putin ein Fan von Aktiv-Urlaub ist (Stern, 27.08.2018).

Следующие примеры описывают внешний вид, харизматичность и волю Владимира Путина, которые, по мнению авторов, являются хорошими качествами для управления государством. Ср.:

Aber wollen Russland und die USA diese Konfrontation? Norbert Röttgen nennt den Zusammenstoß von Putin und Trump einen «Krieg der Worte», eine innenpolitische Machtstrategie. Beide seien machtvolle und nach Macht strebende Männer, die innenpolitisch mächtig werden wollen, aber keiner wolle den Konflikt mit dem anderen (Frankfurter Rundschau, 16.04.2018).

So kam nach einer Reihe zweifelhafter, undefinierbarer, der Liebe des Volkes unwürdiger Personen endlich der richtige Mann. Mit stahlhartem Blick, ausgeprägtem Bizeps und Trizeps und vor allem mit harter Hand (Sueddeutsche Zeitung, 29.04.2018).

В одном из немецких изданий президента России характеризуют как современного супергероя с сильным характером, брутальной внешностью, хорошим чувством юмора и поразительным спокойствием. В своем уже зрелом возрасте российский лидер ведет достаточно активную жизнь, что нередко удивляет западные СМИ. Ср.:

«Wir empfinden Russlands Präsident Wladimir Putin als einen modernen Superhelden und würdigen seinen starken Charakter, das brutale Image, den Sinn für Humor und die Ruhe als Eigenschaften des Welt-Politikers» Malenotti betont, dass Putin mit seinen 65 Jahren körperlich ein sehr aktives Leben führe – nicht selten sehe man den russischen Staatschef reitend, Eishockey spielend oder bei Kampfsportarten (Sueddeutsche Zeitung, 06.10.2017).

Журналист газеты «Die Welt» обращает особое внимание на физическое состояние российского лидера. В. В. Путин всегда предстает перед публикой сильным человеком, а именно: здоровым, бдительным, без признаков слабости или усталости. Ср.:

Er pflegt in der Öffentlichkeit das Bild des starken Mannes: immer gesund, immer wachsam, kein Anzeichen der Schwäche oder Müdigkeit (Die Welt, 12.03.2015).

Wladimir Putin ist so für viele Russen zur Symbolfigur geworden, die Selbstbewusstsein und Stärke verkörpert (Sueddeutsche Zeitung, 15.03.2018).

Данные примеры описывают внешний вид Президента РФ, который часто появляется на публике в полуобнаженном виде. Ср.:

Die Beschreibung trifft jetzt nicht direkt auf den russischen Präsidenten Wladimir Putin zu, der eine Vorliebe für dunkle Sonnenbrillen und Selfies mit nacktem Oberkörper hat (Jakob Augstein/ Der Spiegel, 25.12.2017).

Putin und die nackten Tatsachen (Die Welt, 20.04.2018).

Abgeguckt hat sich Salvini das öffentliche Nacktsein natürlich vom Godfather des Oben-ohne-Maskulismus, Wladimir Putin, den man trotz seines fortgeschrittenen Alters in den vergangenen Jahren schon in der Nähe diverser Tiger, Pferde und anderer Kreaturen mit nacktem Oberkörper beobachten konnte (Die Welt, 12.08.2019).

Da ist er wieder, der nackte Oberkörper des russischen Präsidenten. In diesem Sommer nicht zu Pferd, sondern umgeben von Angelruten und dem etwas schüchtern zur Seite blickenden russischen Verteidigungsminister Sergej Schoigu (Zeit Online, 06.08.2017).

По мнению журналистов, В. В. Путин всегда представляется на публике в одиночестве, без эмоций, разговоров. Когда он входит в зал, все замолкают, не всякий осмеливается посмотреть ему в глаза. Это связывает внешность российского президента с концептами власти и влияния. Ср.:

Judah beschreibt die Stille um Putin. Es scheint keine Freundschaften zu geben, nur Einsamkeit. «Er redet nicht, er glaubt, er muss nicht lächeln. Er geht nicht spazieren, lehnt Getränke ab ... niemand außer seiner Entourage kommt näher als drei Meter an ihn heran» ... Wenn der Präsident den Raum betritt, wird es still, selbst ausländische Staatsoberhäupter beginnen zu flüstern. Wenige trauen sich, ihm in die Augen zu schauen, kaum jemand steht ihm nah genug, um einen Scherz zu machen. «Er sieht emotionslos aus, als ob ihn nichts berührt», sagt der Übersetzer in der «Newsweek», «er ist isoliert, gefangen» (T-Online, 29.07.2014).

Схожая картина наблюдается при исследовании СМИ Великобритании. Британские журналисты подчеркивают имидж В. В. Путина как сильного человека. Ср.:

Putin's strongman image has stayed robust even as the popularity of almost everyone under his command has collapsed (The Independent, 15.08.2019).

Британские журналисты акцентируют внимание на «культе личности» российского президента в России, чей портрет изображается на предметах одежды, обихода, канцелярских товарах и т. д. Нередко эти оценки носят иронический характер. Ср.:

Today's Putin is the subject of a cult. There are T-shirts, mugs, knives, clocks, calendars and knickers all engraved with the bombastic leader's image. They show the fix-it-all crisis manager. The all-action hero. The defender of the nation – shirt optional (The Independent, 07.07.2019).

Типичный концептуальный признак образа российского президента – calmness (спокойствие). Журналисты британских СМИ регулярно исполь-

зуют мелиоративный эпитет 'calm' при описании поведения президента, чтобы подчеркнуть уверенность Путина в своих силах. Ср.:

In dealing with the media, however, Vladimir Putin normally remains, calm (BBC, 06.07.2017).

For now, both vote and parade are still officially on and Mr Putin is conveying an image of calm in turbulent times (BBC, 22.03.2020).

В англоязычных СМИ В. В. Путин концептуализируется как разносторонне развитый человек, который занимается дзюдо, играет на пианино, ездит верхом на лошади, катается на горных лыжах и т.п. Многие из этих увлечений позволяют президенту сохранять хорошую физическую форму, что всегда оценивается положительно. Ср.:

Indeed Russia's head of state has often been photographed partaking in an array of activities that showcase his many talents. From judo throwing to tinkling the keys on a piano to horse-riding shirtless, it seems that nothing is beyond him. (The Independent, 16.07.2013).

Putin was far more prolific on the ice than with his words in a brief pre-game exchange with CBS News foreign correspondent Elizabeth Palmer, who asked the president how the firing [Comey] would affect relations between the United States and Russia (TG, 10.05.2017).

Среди нейтрально-пейоративных оценок выделяются оценки роста В. В. Путина. Журналисты, отмечая невысокий рост российского президента, экстраполируют этот признак на другие качества президента, принося прагматический смысл его заурядности. Ср.:

Today you see tiny Putin walking through the cavernous chambers of the Kremlin during official ceremonies, and clearly, his stature has not risen to the grandeur of his surroundings. But time itself has done its work (TG, 22.02.2017).

Putin was tiny compared to Yeltsin, and though younger and healthier, he nonetheless managed to more closely resemble death (TG, 22.02.2017).

He was an absolutely average man ... His voice was average ... not tough, not high. He had an average personality ... average intelligence, not especially high intelligence. You could go out the door and find thousands and thousands of people in Russia; all of them just like Putin (TG, 22.02.2017).

Детство В. В. Путина, проведенное в коммунальной квартире бывшего Ленинграда, связывается журналистами с репутацией хитрого уличного драчуна, который переносит эти привычки в политику. Ср.:

Mr Putin has been at the top of Russian politics since 2000 and has the reputation of a cunning street fighter, an image that can be traced back to his days growing up in a tough communal housing block in Leningrad (BBC, 06.07.2017).

4. Заключение

Как показал анализ, эстетическая оценка является важным компонентом аксиологического образа руководителя российского государства в

СМИ ФРГ и Великобритании, о чем свидетельствует широкая востребованность данного типа оценок в медиадискурсе данных стран. Анализ материала показал, что данный тип оценки носит преимущественно мелиоративный характер, что в целом нехарактерно для аксиологического портрета В. В. Путина в западных СМИ. При сопоставлении эстетических оценок в медиадискурсах двух стран можно отметить, что в СМИ ФРГ В. В. Путин регулярно описывается как харизматичный, энергичный и здоровый человек, что связывается с высокой физической активностью президента, занятиями дзюдо, верховой ездой, лыжами, хоккеем. В СМИ Великобритании также создается образ харизматичного, сильного, внешне всегда спокойного человека. Вместе с тем в британских СМИ используются пейоративные эстетические оценки за счет использования иронии или экстраполяции внешних признаков на другие стороны личности.

Список литературы

Алексеева, А. К. Политический портрет В. В. Путина и Д. А. Медведева (на материале прессы и ассоциативного эксперимента) / А. К. Алексеева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2012. – № 41. – С. 64–80.

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с. – Текст : непосредственный.

Базылев, В. Н. Лингвистическая персонология: Ирина Хакамада (к определению статуса дисциплины) / В. Н. Базылев. – Текст : непосредственный // Известия УрГПУ. Лингвистика. – 2005. – Вып. 15. – С. 163–167.

Башкатова, Ю. А. Метафорический образ внешности политика в российском дискурсе СМИ / Ю. А. Башкатова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2 (32). – С. 97–100.

Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : 10.02.20 специальность «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Будаев Эдуард Владимирович ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2010. – 474 с. – Текст : непосредственный.

Вагенляйтнер, Н. В. Языковой образ политика в современных СМИ: семантические доминанты внешности / Н. В. Вагенляйтнер. – Текст : непосредственный // В мире научных открытий. – 2012. – № 7.2 (31). – С. 23–38.

Голев, Н. Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка / Н. Д. Голев. – Текст : непосредственный // Известия Алтайского государственного университета. – 2004. – № 4. – С. 41–45.

Грошева, А. В. Аксиологический портрет В. В. Путина в немецкой прессе / А. В. Грошева, Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Один

пояс – один путь. Лингвистика взаимодействия / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2017. – С. 49–51.

Грошева, А. В. В. Путин как угроза в зеркале оценочных суждений СМИ Германии / А. В. Грошева. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 1 (40). – С. 121–129.

Зелянская, Н. Л. Медиаобраз политика: интернет-сообщество как агент политической реальности / Н. Л. Зелянская – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4 (50). – С. 120–126.

Мельник, Н. В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка / Н. В. Мельник. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 200–207.

Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак. – Текст : непосредственный // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. – Москва: МГЛУ, 1996. С. 112–116.

Попов, В. Возможности лингвистической персонологии в решении задач фоноскопической экспертизы / В. Попов, Д. Попова. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 89–101.

Руженцева, Н. Б. Портреты политиков: типология и речевая организация / Н. Б. Руженцева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5. – С. 57–63.

Седов, К. Ф. Теоретическая модель психолингвоперсонологии / К. Ф. Седов. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 12–22.

Стрельников, А. М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России : 10.02.20 специальность «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Стрельников Александр Михайлович ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2005. – 117 с. – Текст : непосредственный.

Теория и методика лингвистического анализа политического текста : монография / отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2016. – 303 с. – Текст : непосредственный.

Чудинов, А. П. Российская лингвополитическая персонология: исследование образов политических лидеров / А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 14–31.

Шустова, И. Н. Роль аксиологической лексики в формировании имиджа англоязычных политических деятелей : 10.02.04 специальность «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шустова Ирина Николаевна ; Воронежский государ-

ственный университет. – Воронеж, 2012. – 186 с. – Текст : непосредственный.

Шустрова, Е. В. Барак Обама и современная американская карикатура / Е. В. Шустрова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2014. – 370 с. – Текст : непосредственный.

Klyukanov, I. E. Russian Perspectives on Communication / I. E. Klyukanov, O. A. Leontovich. – Текст : непосредственный // The Handbook of Communication in Crosscultural Perspective / Ed. by D. Carbaugh. – New York : Routledge, 2017. – P. 74–97.

Статья получена: 8.01.2021

Статья принята: 15.03.2021

AESTHETIC EVALUATION OF V. V. PUTIN IN THE GERMAN AND UK MEDIA

A. V. Grosheva

Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia
grosheva.nastyusha@mail.ru

Abstract. The article examines value judgments representing the aesthetic evaluation of the Russian president in the German media (Sueddeutsche Zeitung, Die Welt, Stern, Der Spiegel, Die Zeit, etc.) and Great Britain (The Guardian, The Independent, BBC) over the past ten years (2010– 2020). The methods of cognitive-discourse analysis and axiological analysis were used to study these value judgments. It is concluded that aesthetic evaluations are an important criterion when drawing up an axiological portrait of V. V. Putin in the media of Germany and Great Britain. On the one hand, it was revealed that the German and British media describe V. V. Putin as a charismatic, energetic, talented, healthy and athletic political leader. On the other hand, the President of Russia outwardly does not differ in any way from ordinary citizens and appears to be emotionless in public. The analysis showed that value judgments depend not only on cognitive, but also on discursive factors.

Key words: aesthetic evaluation; evaluative portrait; German media; UK media; political discourse; V. V. Putin.

References

Alekseeva, A. K. (2012). Politicheskiy portret V. V. Putina i D. A. Medvedeva (na materiale pressy i assotsiativnogo eksperimenta) [Political portrait of V. V. Putin and D. A. Medvedev (based on the press and associative experiment)]. *Politicheskaya lingvistika*, 41, 64–80.

Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. Moscow: Yazyki russkoi kultury.

Bashkatova, Yu. A. Metaforicheskiy obraz vneshnosti politika v rossijskom disкурсе SMI [Metaphorical image of a politician's appearance in the Russian media discourse]. *Political linguistics*, 2010, 2(32), 97–100.

Bazylev, V. N. (2005). Lingvisticheskaya personologiya: Irina Khakamada (k opredeleniyu statusa distsipliny) [Linguistic personology: Irina Khakamada (to the definition of the status of the discipline)]. *Izvestiya UrGPU. Lingvistika*, 15, 163–167.

Budaev, E. V. (2010). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative political metaphorology]. [Doctoral dissertation, Ural State Pedagogical University].

Chudinov, A. P. (Ed.) (2016). *Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta* [Theory and methodology of linguistic analysis of a political text]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Chudinov, A. P., Nakhimova, E. A., & Nikiforova, M. V. (2018). Russian Linguopolitical Personology: Political Leaders' Discourse. *RUDN Journal of Language Studies. Semiotics and Semantics*, 9(1), 14–31.

Golev, N. D. (2004). Lingvopersonologicheskaya variativnost' yazyka [Lingvo-personalological variability of language]. *Bulletin of the Altai State University*, 4, 41–45.

Grosheva, A. V. (2020). V. V. Putin kak ugroza v zerkale otsenochnykh suzhdeniy SMI Germanii [V. V. Putin as a threat in the mirror of value judgments of the German media]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 1(40), 121–129.

Grosheva, A. V., & Budaev, E. V. (2017). Aksiologicheskiy portret V. V. Putina v nemetskoй presse [Axiological portrait of V. V. Putin in the German press]. In A. P. Chudinov (Ed.), *Odin poyas – odin put'*. *Lingvistika vzaimodeystviya* (pp. 49–51). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Klyukanov, I. E., & Leontovich, O. A. (2017). A. Russian Perspectives on Communication. In Carbaugh D. (Ed.), *The Handbook of Communication in Crosscultural Perspective* (pp. 74–97). New York: Routledge.

Melnik, N. V. (2011). Yazykovaya lichnost' i tekst kak predmet lingvopersonologii russkogo yazyka [Linguistic personality and text as a subject of linguopersonology of the Russian language]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 1, 200–207.

Neroznak, V. P. (1996). Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny [Linguistic Personology: Towards Determining the Status of a Discipline]. In *Yazyk. Poetika. Perevod* (pp. 112–116). Moscow: MGLU.

Popov, V., & Popova, D. (2020). Vozmozhnosti lingvisticheskoy personologii v reshenii zadach fonoskopicheskoy ekspertizy [Linguistic personology – potential in phonoscopic expertise]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 19(1), 89–101.

Ruzhentseva, N. B. (2019). Portrety politikov: tipologiya i rechevaya organizatsiya [Portraits of politicians: typology and speech organization]. *Politicheskaya lingvistika*, 5, 57–63.

Sedov, K. F. (2008). Teoreticheskaya model' psikholingvopersonologii [Theoretical model of psycholinguistic personology]. *Voprosy psikholingvistiki*, 7, 12–22.

Shustova, I. N. (2012). *Rol' aksiologicheskoy leksiki v formirovanii imidzha angloyazychnykh politicheskikh deyateley* [The role of axiological vocabulary in the formation of the image of English-speaking politicians] [Candidate dissertation, Voronezh State University].

Shustrova, E. V. (2014). *Barak Obama i sovremennaya amerikanskaya karikatura* [Barack Obama and the modern American caricature]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Strelnikov, A. M. (2005). *Metaforicheskaya otsenka politicheskogo lidera v diskurse kampanii po vyboram prezidenta v SShA i Rossii* [Metaphorical assessment of a political leader in the discourse of the presidential campaign in the United States and Russia]. [Candidate dissertation, Ural State Pedagogical University].

Vagenlyaytner, N. V. (2012). Yazykovoy obraz politika v sovremennykh SMI: semanticheskie dominanty vneshnosti [Linguistic image of a politician in modern media: semantic dominants of appearance]. *V mire nauchnykh otkrytiy*, 7.2(31), 23–38.

Zelyanskaya, N. L. (2014). Mediaobraz politika: internet-soobshchestvo kak agens politicheskoy real'nosti [The media image of politics: the Internet community as an agent of political reality]. *Politicheskaya lingvistika*, 4(50), 120–126.

Submitted: 8.01.2021

Accepted: 15.03.2021

УДК 811.11-112

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РОК-ПЕСЕН (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ГРУПП QUEEN И FALL OUT BOY)

Е. Р. Боровкова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия.
rifovna@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию фонетических особенностей текстов песен на английском языке в сопоставительном аспекте. Исследование выполнено на материале песен рок-групп Queen и Fall Out Boy, с целью выявить и сопоставить фонетические особенности песенных текстов этих двух англоязычных рок-групп XX и XXI веков. В работе используются следующие методы: теоретический анализ источников, классификация, сравнение, обобщение, наблюдение, систематизация. Как показал анализ, характерной фонетической особенностью текстов песен Queen является использование неоднородного ритмического рисунка, чередование рифмы, синкопы и апокопы, высокая востребованность аллитерации, ассонанса, апокопы. Фонетическими особенностями песенных произведений Fall Out Boy является использование рифмовки в виде свободного стиха (верлибра). Для песенных текстов Fall Out Boy также свойственно использование большого количества примеров фонетической компрессии, которая помогает в создании желаемого ритмического рисунка песни, а также отражает намерение использовать разговорный стиль речи, что сближает авторов с рядовым слушателем.

Ключевые слова: песенный текст, аллитерация, апокопа, ассонанс, афerezис, междометия, ритм, рифма, синкопа, фонетическая компрессия.

1. Введение

Песни играли огромную роль в жизни людей с древнейших времен (Ю. Е. Плотницкий, А. Ю. Морозов, Н. И. Мокрова и др.). Не утеряна эта роль песни и в современном мире. Данный музыкальный жанр, с одной стороны, способен влиять на эмоциональную сферу человека, с другой – является способом выразить чувства, которые возникли у автора песенного произведения по поводу тех или иных явлений и событий. Песня способна воздействовать на подсознание, которое обладает для человека не меньшей значимостью, чем сфера интеллекта.

Будучи синкретическим музыкальным жанром, песня представляет собой единство мелодического и вербального компонентов, определяющих жанровую специфику текста, которая является не просто внешним критерием, но и сущностным признаком текста. Песня как вид текста представляет собой сложное лингвосемантическое сообщение, выраженное при помощи вербальных (текст песни) и невербальных (мелодия, видеоряд) зна-

ков, предназначенное для комплексного аудиовизуального восприятия адресатом. Иконический знак, в свою очередь, может быть определен как знак культуры, поэтому такие тексты являются ценным материалом для изучения культурных концептов [Дуняшева, 2011, с. 160; Дуняшева, 2015, с. 98; Мокрова, 2015, с.161].

В данной статье рассматриваются фонетические выразительные средства, которые используются авторами песен для придания особой эмоциональной окраски и поэтичности. Различные средства выразительности языка помогают поэтам воплотить в письменной форме свои представления к конкретным феноменам жизни, а также передать личное отношение автора к данным явлениям.

Песенным текстам присущи свои специфические фонетические особенности. К таким особенностям следует отнести в первую очередь мелодичность или благозвучие. Именно мелодичность отличает тексты песен от стандартного поэтического текста. Как отмечает Э. Лич, «что именно имеет в виду человек, говоря, что определенное стихотворное произведение мелодично, плохо поддается анализу. Но, скорее всего, важную роль в этом играют такие явления, как аллитерация, ассонанс и так далее» [Лич, 2001, с. 97].

Песенный жанр музыкальной культуры на сегодняшний день включает в себя множество отличающихся друг от друга по звучанию и поэтическому послы поджанров. Одним из популярных в современном мире разновидностей песни является жанр рок-песни.

Рок-музыка (англ. rock music) является обобщающим термином для ряда направлений популярной музыки. Давая своё определение року, О. К. Королёв опирается на английскую этимологию слова «рок» (англ. rock – качаться, укачивать, трястись) и приходит к выводу о том, что происхождение рок-музыки связано со слиянием «в ней воедино разнообразных истоков: рок-н-ролла, песенно-танцевальных жанров афроамериканского городского фольклора 1920-1930-х годов, ритм-энд-блюза, музыки кантри-энд-вестерн» [Королёв, 2006, с. 98]. Говоря об этимологии термина, стоит отметить, что в подобных словах акцентируются характерные для этих направлений ритмические ощущения, связанные с определённой формой движения, по аналогии с «roll», «twist», «swing», «shake» и т. п. А. Троицкий считает рок синтезом различных видов авторского творчества – музыки, поэзии и визуальных искусств (театр, пантомима, танец, видео). Исследователь также делает акцент на том, что это не просто музыкальный жанр, но и молодёжная культура, способ её самовыражения, образ жизни [Троицкий, 2007].

Одна из особенностей рок-музыки заключается в большом многообразии стилей, входящих в это музыкальное направление: от достаточно «легких» (танцевальный рок-н-ролл, поп-рок, брит-поп) до brutальных и агрессивных (метал, хэви-метал, дэт-метал, грайндкор и др.) [Словарь

жанров]. Содержание рок-песен варьируется от лёгкого и непринуждённого до мрачного, глубокого и философского.

С течением времени рок-музыка изменялась и представляла собой отражение сознания молодежного общества того времени, к которому принадлежала. С момента зарождения тексты песен рок-коллективов включали в себя попытки пересмотреть и переосмыслить ценности, моральные устои старшего поколения. Поиск новых истин и способов познания мира – основные идеи, которые захватили умы молодежи в тот период времени. Позднее, к основным темам, которые нашли свое выражение в духе рок-музыки, в песенных рок-текстах начали проследиваться религиозные темы, получили отражение человеческие переживания, освещались такие проблемы, как угроза ядерной войны, политическая нестабильность, протесты, аборт, употребление алкоголя и наркотических веществ (80 гг. XX века). К таким вечным темам, как любовь и присущие ей человеческие чувства, начали обращаться авторы рок-поэтических текстов направления глэм-метал при создании своих музыкальных произведений.

Возникновение смыслов в рок-песнях идет не только через звук. Восприятие музыки основано на вероятностном предвосхищении как мелодии, так и ритма. Ритм предвосхищать проще (в силу универсальной, повсеместной природы ритма в окружающем мире) [Голубев, Цыбин, 1991]. Помимо четко выраженного ритмического рисунка партии ударных, одним из средств выразительности рока является остинанто. Остинанто (итал. *ostinato*, от лат. *obstinatus* – упорный, упрямый) представляет собой многократное повторение в музыкальном произведении какого-либо мелодического, гармонического оборота или ритмической фигуры. Такая структура наиболее характерна для рока за исключением стилей, приближающихся по своей сути к джазу (арт-рок, прогрессив-метал), или представляющих собой эксперимент (психоделические направления). И. А. Чижова считает, что такое остинанто в роке имеет связь с источником формирования экстатических состояний, присущих магическим обрядам древности [Чижова, 1993, с. 103].

Тем не менее, музыкальный компонент не является основным и единственным содержанием рок-музыки. Главное в этом направлении – определенная нравственная позиция и образ жизни, неписанный кодекс чести. Как отмечает Г. С. Кнабе, основой этого кодекса является противостояние: «Я против них, кто бы они ни были», и чувство идентичности: «Есть они и есть мы» [Кнабе, 2006, с. 21].

Смысл и идейная направленность текстов песен зачастую разнится от направления к направлению, сохраняя при этом некоторую общность. Для всех видов рока характерны отвлечённость, обращение к аллегорическим, фантастическим темам, зачастую эскапизм, патетичность, а также, для большинства поджанров, — воинственность и агрессия, культ сильной личности. Так, для дэт-метала типичны темы насилия и смерти, для дум- и

готик-метала — темы печали, меланхолии и отчаяния, для блэк-метала — оккультные темы, пауэр-метал часто обращается к темам сказок и фэнтези. Трэш-метал имеет наименее отвлечённую тематику, обычно посвящённую проблемам общества, и в этом схож с панк-роком. Рок-группы самых разных жанров часто обращаются к фантастике, мифологии, литературе ужасов. Вместе с тем немалая часть текстов рок-групп обращается к более традиционным для рок-музыки темам: личная жизнь, свобода, война. Романтизация войны и насилия делает многие рок-группы объектом критики прессы, но, несмотря на внешнюю агрессивность, лирика рок-групп является скорее элементом стиля и имиджа, а не призывом к насилию. Сами музыканты и их поклонники, как правило, относятся к таким текстам с должной иронией.

Композиции, которые принадлежат к направлению рок-музыки, являются мощным источником эмоциональных переживаний исполнителей, которые позднее находят свое отражение при прослушивании, вызывая похожие чувства у слушателя. Это достигается при помощи использования злободневных, актуальных тем и проблем современного мира, которые близки практически каждому слушателю. Также сильное воздействие на эмоциональное состояние слушателей оказывают манера исполнения и подача материала вокалистом. Зачастую именно этот фактор вызывает ту реакцию у людей, слушающих музыкальное произведение, на которую рассчитывал автор, если смог профессионально сделать свою работу.

Также стоит упомянуть об одной из особенностей музыки рока: изобилии энергичных гитарных партий и мощных ударных рисунков в текстах песен. Всё это стало впоследствии визитной карточкой, благодаря которой люди, не являющиеся поклонниками рок-жанра, узнают его, едва услышав музыкальную составляющую исполняемого произведения. Это произошло с момента появления нового направления в роке – хеви-метала, в котором впервые был сделан упор именно на «тяжёлые» риффы на электрогитарах со звуком, искаженным эффектом дисторшн (от англ. distortion – искажение), продолжительные гитарные соло, плотную ритм-секцию бас-гитар и ударных, и резкий, энергичный вокал.

Произведения рок-исполнителей, в частности песенная лирика рок-композиций, являются интересным объектом для изучения, так как составляют собрание разнообразных средств выразительности ввиду большого спектра поднимаемых вопросов в песенных текстах.

В данной статье проводится сопоставительный анализ фонетических средств выразительности текстов двух англоязычных рок-групп («Queen» и «Fall Out Boy»), исполняющих песни в стиле рок.

Актуальность настоящего исследования заключается в сравнении фонетических особенностей англоязычных песенных текстов групп, существовавших/существующих в настоящее время. Это позволяет выявить

различия и сходства относительно использования тех или иных фонетических средств в текстах рок-песен конца XX в. и настоящего времени.

2. Материал и методика исследования

Источником материала для исследования послужили 136 текстов песен рок-группы Queen и 115 текстов песен рок-группы Fall Out Boy. В собранном корпусе выявлялись фонетические средства выразительности, характеризующие стиль каждой из указанных групп. Для достижения поставленной цели использовались методы классификации, сравнения, обобщения и систематизации.

3. Анализ фонетических средств выразительности в рок-песнях групп Queen и Fall Out Boy

Для создания дополнительного музыкально-мелодического эффекта в своих рок-песнях авторы часто использует *аллитерацию*. Сущность данного фонетического приема заключается в повторе одинаковых согласных звуков или сочетаний звуков на относительно близком расстоянии друг от друга.

Приведем примеры аллитерации в текстах песен группы Queen:

I want to break free from your lies

You're so self-satisfied I don't need you...

I've fallen in love

I've fallen in love for the first time

Повторяющийся на протяжении всей песни «Breakthru» шумный глухой звук [f] придает песне напряженный оттенок. Аллитерация глухого звука [s] подчёркивает отношение автора к своей возлюбленной, связанное с чувством усталости и решимости освободиться от «отравляющих», «душаших» его отношений. Стоит заметить, что использование аллитерации обуславливает мелодичность песни, что может делать вклад в рост популярности песни у слушателей. Так, строчки из песни «Bohemian Rhapsody» являются одними из самых узнаваемых в мире. Поэтичность тексту песни придает использование аллитерации в параллельных конструкциях: s–th–r–l. Ср.:

Is this the real life?

Is this just fantasy?

Caught in a landslide, no escape from reality.

Open your eyes, look up to the skies and see

Аллитерация звуков [s]-[f]-[h] в песне «My Fairy King» передает тихую, умиротворенную картину, предстающую перед автором, и видением которой он хочет поделиться со слушателями: шелест листвы, мерное колыхание волн. Ср.:

Son of heaven set me free and let me go

Sea turn dry no salt from sand

Seasons fly no helping hand

Аллитерация также востребована в песенных текстах группы Fall Out Boy. Ср.:

*Drink down that gin and kerosene,
and come spit on bridges with me.*

Приведенный выше пример аллитерации из песни «Nobody Puts Baby In the Corner» показывает раздражение, нетерпение, даже отчаяние автора по отношению к его спутнице, он хочет побыстрее приступить к действиям, так как устал ждать. Параллельные конструкции аллитерации в «Coffee's for Closers» выражают многообразие чувств, захвативших автора. Аллитерация звуков [t] подчеркивает уверенность, даже некоторую категоричность рассуждений автора. Аллитерация сонантов [n], [m] и [ŋ] используется при описании намерения лирического героя получить ответы на свои вопросы, а аллитерация [s] и [θ] востребована при описании неуверенности и смятения автора. Ср.:

*I can't explain a thing
I want everything
To change and stay the same
Oh top doesn't care about anyone or anything
Come together
Come apart*

Ниже приведенный пример аллитерации звука [l], согласно концепции звукового символизма (Дж. Вайс, С. В. Воронин, В. В. Левицкий, А. Г. Спиркин, И. Тэйлор и др.), выражает позитивные эмоции, которые могут быть связаны с теплотой испытываемых чувств по отношению к собеседнику. Ср.:

*So we'll leave this town in ruin
living like life's going out of style («Grenade Jumper»).*

Апокопа проявляется в выпадении одного или нескольких звуков в конце слова, как правило, это бывает конечный безударный гласный. Данный прием указывает на желание авторов быть ближе к народу, используя разговорный стиль, для которого апокопа особенно характерна.

Рассмотрим примеры апокопы в песенных текстах группы Queen. Ср.:

*Swans are floatin' by
Sound of merry laughter skippin' by
Are you hangin' on the edge of your seat
My world is spinnin' and spinnin' and spinnin'
Little girls scream an' cry*

Апокопа также востребована в текстах песен Fall Out Boy, хотя и в гораздо меньшей степени. Ср.:

*Ghostbusters, who you gon' call? («Ghostbusters»)
I'm drivin' and I can't stop staring at my eyelids, but
I'm either fuckin' or workin', so the grind don't stop («The Mighty Fall»)*

Ассонанс характеризуется многократным повторением гласных звуков для создания благозвучности, протяжности и гармонии в текстах.

Примеры ассонанса в песенных текстах Queen:

Little better ev'ry day

But if I crossed a million rivers

And I rode a million miles («Keep Yourself Alive»)

Happy little day, Jimmy went away

Met his little Jenny on a public holiday

A happy pair they made, so decorously laid

'Neath the gay illuminations all along the promenade («Brighton Rock»)

Out of the doorway the bullets rip

To the sound of the beat

Look out («Another One Bites the Dust»)

Ассонанс также востребован в текстах песен Fall Out Boy. Ср.:

Build my dreams, trees grow all over the streets («America's Suitehearts»)

This conversation's been dead on arrival

A rivalry goes so deep between me («Dead on Arrival»)

Sometimes the only payoff for having any faith

Is when it's tested again and again everyday («Immortals»)

Афферезис представляет собой выпадение начальных букв слова. Наряду с апокопой, этот прием отражает склонность авторов к разговорному стилю, демократичности речи.

Афферезис, использованный в строках песен Queen:

'Cos you're looking divine («Breakthru»)

Nothing 'ere need come between us tell me love («Seven Seas of Rhye»)

Примеры афферезиса в песнях Fall Out Boy:

'cause it's all mine. («Nobody Puts Baby In the Corner»)

Palms up, I'm trading 'em («I Don't Care»)

Stay up 'til the lights go out («American Beauty/American Psycho»)

Междометия, являющиеся частым средством выразительности на фонетическом уровне, также являются маркерами разговорного стиля, присущую песенному рок-дискурсу. Данный прием к тому же служит для создания вокализации, плавности переходов или для подбадривания слушателей.

Приведем примеры использования различных междометий в песенном материале Queen. Ср.:

Oh oho ho hoh explode («Don't Lose Your Head»)

Baby you don't fool me, yeah («You Don't Fool Me »)

Hey I was just a skinny lad

In a world with the darkest powers, heh («Princes of the Universe»)

Oh yeah see what you've done to me («Back Chat »)

Body language huhhuh («Body Language»)

Столь же часто междометия используются в текстах песен Fall Out Boy. Ср.:

Do you wanna? Yeah! («Alone Together»)

Alphadog and oh, oh, Omegalomaniac («Alphadog»)

Rat a tat tat

Rat a tat tat tat hey («Rat a Tat»)

Woah

Oooa («My Heart Is the Worst Kind of Weapon»)

Ритм является одним из главных компонентов песенного текста. Наличие данной составляющей роднит песенный рок-дискурс с поэтическим. Ритм создается в результате чередования соизмеримых (ударных/неударных) единиц (слов).

В ходе данного исследования было выявлено, что песенные тексты групп Queen имеют неоднородный рисунок. Например, строки, написанные одним размером, могут сопровождаться строками, написанными другим размером. Но эта фонетическая особенность не вызывает диссонанса при прослушивании, так как исполнитель может артикулировать слоги и слова удобным ему образом, что не вступает в противоречие с ритмом современной композиции. Ср.:

Back chat back chat

You burn all my energy

Back chat back chat

Critising all you see

Back chat back chat

Analysing what I say

And you always get your way

На примере отрывка из песни «Back Chat» можно увидеть неоднородность ритмического рисунка. На приведенном выше отрезке можно наблюдать чередование ритма: ямб – амфибрахий – ямб – дактиль – ямб – анапест – хорей. Но смена одного стихотворного размера другим не является критичной, так как в современной рок-музыке многие из композиций написаны в довольно ненормированном стиле. Это также обусловлено тем фактом, что музыкальный компонент англоязычного песенного дискурса является доминирующим в вопросе ритмики и, как следствие, в одном музыкальном такте количества слогов и ударных звуков может свободно варьироваться.

Песенным текстам же рок-коллектива Fall Out Boy присущ такой стихотворный размер как четырех- или пятистопный хорей, двухсложный размер с ударением на первый слог. Данный размер придает стихам плавность, певучесть и легкость. Ср.:

Mummified my teenage dreams

No, it's nothing wrong with me

The kids are all wrong, the story's all off

Heavy metal broke my heart («Centuries»)

В контексте современного англоязычного песенного дискурса **рифма** представляет собой факультативный феномен. Необходимо отметить, что рифма обусловлена мелодическим компонентом, а именно размером такта. Из этого следует, что рифма не всегда является обязательной, так как мелодический рисунок композиции компенсирует ее отсутствие. Например, в песне Queen «Heaven for Everyone» можно наблюдать следующий пример рифмовки. Ср.:

*In these days of cool reflection
You come to me and everything seems alright
In these days of cold affections
You sit by me and everything's fine
In this world of cool deception
Just your smile can smooth he my ride
These troubled days of cruel rejection, hmm
You come to me, soothe my troubled mind*

Помимо перекрестной рифмы reflection – affections, deception – rejection, можно встретить неточные примеры рифмовки: alright – fine, ride – mind, которые только подтверждают, что несоблюдение точной рифмы в песенных текстах не наносит большого урона мелодическому компоненту.

Рассматривая отрывок песни «Dragon Attack», можно увидеть ещё одну фонетическую особенность рифмовки – сквозная рифма, которая является довольно редким явлением в песенных стихах. Такой тип рифмы придает особую мелодичность тексту и дает возможность максимально легко запомнить песенные стихи. Ср.:

*Gonna use my stack
It's gotta be Mack
Gonna get me on the track
Got a dragon on my back*

Группа Fall Out Boy относится к современным рок-коллективам, для которых характерна ненормированная рифмовка песенных строк, поэтому большинство песенных стихов этой группы написанным так называемым свободным стихом (верлибром). Ср.:

*I don't care what you think
As long as it's about me
The best of us can find happiness
In misery*

Вместе с тем в ходе анализа текстов песен данной группы нам удалось найти пример парной рифмы. Ср.:

*Coming in unannounced, drag my nails on the tile
I just follow your scent, you can just follow my smile
All of your flaws are aligned with this mood of mine
Cutting me to the bone, nothing left to leave behind («Irresistible»)*

Синкопа, наряду с афerezисом и апокопой, является усечением. Суть данного фонетического приема заключается в выпадении букв, находящихся в середине слова. Необходимо подчеркнуть, что синкопа характерна только для песен Queen. Ср.:

Goodbye, ev'rybody, I've got to go
Little better ev'ry day («Keep Yourself Alive»)
Ev'rytime I get high («Get Down Make Love»)

Фонетическая компрессия представляет собой редукцию вспомогательных глаголов, то есть происходит сокращение вспомогательных глаголов до конечных букв. Фонетический прием данного вида помогает в выстраивании четкого, лаконичного ритма песенных песен.

Рассмотрим имеющиеся примеры в песенных текстах группы Queen:

if you don't sign he says
I'll have you seeing double («Flick of the Wrist»)
You got the cutest ass I've ever seen («Body Language»)
Wouldn't you like to know?
And said you're going to realise tomorrow («Great King Rat»)
I won't have to worry («Dreamer's Ball»)

Схожие примеры использования фонетической компрессии обнаруживаются в песнях Fall Out Boy. Ср.:

The tide's out, the ship's run aground
When it's said and done they're all scrambling («Champagne For My Real Friends, Real Pain For My Sham Friends»)
And now I'm just numb
I don't feel a thing for you («Novocaine»)

Необходимо отметить, что фонетическая компрессия тесно связана с таким фонетическим явлением как соединительные звуки, которые придают плавность переходам.

Таблица 1 – Сравнительная таблица фонетических средств выразительности в текстах песен Queen и Fall Out Boy.

Фонетические средства выразительности	Примеры из текстов песен Queen	Примеры из текстов песен Fall Out Boy
Аллитерация	36	29
Апокопа	11	4
Ассонанс	21	16
Афerezис	2	3
Междометия	20	23
Ритм	неоднородный	четырёх-, пятистопный хорей
Рифма	перекрестная рифма, случай сквозной рифмы	свободный стих (велибр)
Синкопа	3	0
Фонетическая компрессия	32	40

Таким образом, в ходе исследования англоязычных текстов рок-песен было выявлено, что фонетические средства являются одними из важных средств в создании особых эффектов, а также настроений, ощущений и чувств у слушателей. Таблица 1 иллюстрирует количественные результаты проведенного исследования.

4. Заключение

Полученные данные свидетельствуют о том, что среди лингвостилистических средств фонетического уровня чаще всего используются аллитерация, ассонанс, междометия и фонетическая компрессия. Востребованность данных фонетических средств выразительности связана с их способностью придавать песенно-поэтическим текстам мелодичность.

Характерной фонетической особенностью текстов песен Queen является использование неоднородного ритмического рисунка, чередование рифмы, синкопы и апокопы. Наиболее востребованы в песнях Queen такие фонетические средства выразительности, как аллитерация, ассонанс, фонетическая компрессия. В текстах группы Queen в несколько раз чаще (по сравнению с группой Fall Out Boy) используется апокопа. Только в текстах группы Queen встречается синкопа.

Фонетическими особенностями песенных произведений Fall Out Boy является использование рифмовки в виде свободного стиха (верлибра). Для песенных текстов Fall Out Boy также свойственно использование большого количества примеров фонетической компрессии, которая помогает в создании желаемого ритмического рисунка песни, а также отражает намерение использовать разговорный стиль речи, что сближает авторов с рядовым слушателем. Кроме этого, текстам песен Fall Out Boy присущ свободный стих (верлибр), стихотворный размер четырех- и пятистопный хорей.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что англоязычные тексты рок-песен XX и XXI веков не обладают универсальными чертами в аспекте употребления фонетических средств. По нашему мнению, выбор фонетических средств в рок-песнях зависит не столько от времени, сколько от индивидуальности исполнителя, особенностей его языковой личности.

Список литературы

Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – Москва : Ленанд, 2009. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Голубев, В. А. Музыка в сфере молодежного досуга / В. А. Голубев, Ю. Е. Цыбин. – Москва : ВНМЦ, 1991. – 71 с. – Текст : непосредственный.

Дуняшева, Л. Г. Концепт «свобода» в афроамериканском песенном дискурсе / Л. Г. Дуняшева. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского университета. – 2011. – Т. 153: сер. Гуманитарные науки. – С. 158–167.

Дуняшева, Л. Г. Песенный дискурс как объект изучения лингвокультурологии / Л. Г. Дуняшева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания : материалы международной научно-практической конференции (Казань, 22-23 октября 2015 г.). – Казань : Хэтер, 2015. – С. 190–197.

Кнабе, Г. С. Рок-музыка и рок-среда как формы контркультуры / Г. С. Кнабе. – Текст : непосредственный // Избранные труды. Теория и история культуры. – М.-СПб. : Летний сад, 2006. – С. 20–50.

Королёв, О. К. Краткий энциклопедический словарь джаза, рок- и поп-музыки. Термины и понятия / О. К. Королёв. – Москва : Музыка, 2006. – 168 с. – Текст : непосредственный.

Лич, Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии / Э. Лич. – М. : Восточная литература, 2001. – 142 с. – Текст : непосредственный.

Мокрова, Н. И. Песня как явление комплексного характера / Н. И. Мокрова. – Текст : непосредственный // Вестник ИрГТУ. – 2015. – № 1, Ч. 2. – С. 161–162.

Морозов, А. Ю. Речевые особенности социального диалекта “BLACK ENGLISH” в произведениях песенного творчества афроамериканцев / А. Ю. Морозов. – Текст : непосредственный // Язык в пространстве и времени : тезисы и материалы международной научной конференции 29-30 окт. 2002 г. – Самара : СамГПУ, 2002. – Ч. 1. – С. 113–115.

Плотницкий, Ю. Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики песенного дискурса : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Плотницкий Юрий Евгеньевич ; Самарский государственный педагогический университет. – Самара, 2005. – 24 с.

Словарь жанров, стилей и направлений в музыке. – Текст : электронный. – URL: <http://nnsokolov.ru/articles/slovar> (дата обращения: 02.08.2020).

Тексты песен Fall Out Boy. – Текст : электронный. – URL: http://www.amalgama-lab.com/songs/f/fall_out_boy/ (дата обращения 19.03.2019).

Тексты песен Queen [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amalgama-lab.com/songs/q/queen/> (дата обращения 25.03.2019).

Троицкий, А. Back in the USSR / А. Троицкий. – Санкт-Петербург : ТИД Амфора, 2007. – 263 с. – Текст : непосредственный.

Чижова, И. А. Рок музыка как культурно-исторический феномен : специальность 17.00.02 «Музыкальное искусство» : диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Чижова Ирина Александровна ; Государственный институт искусствознания. – Москва, 1993. – 153 с. – Текст : непосредственный.

Fairclough, N. Language and Globalization / N. Fairclough. – London : Routledge, 2006. – 176 p. – Текст : непосредственный.

Статья получена: 21.01.2021

Статья принята: 12.03.2021

PHONETIC FEATURES OF ENGLISH ROCK SONGS (BASED ON THE LYRICS OF QUEEN AND FALL OUT BOY)

E. R. Borovkova

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute
(branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia.
rifovna@mail.ru

Abstract. This article deals with the study of the phonetic features in the English language songs in a comparative aspect. *The research was carried out on the material of the songs of the rock groups Queen and Fall Out Boy, in order to identify and compare the phonetic features of the song texts of these two English-language rock groups of the XX and XXI centuries. The methods of theoretical analysis, classification, comparison, generalization, observation, systematization were used. As the analysis has shown, a characteristic phonetic feature of Queen's lyrics is the use of a heterogeneous rhythmic pattern, alternation of rhyme, syncope and apocope, a high demand for alliteration, assonance, apocopes. The phonetic features of Fall Out Boy's songs are the use of rhyme in the form of free verse (free verse). Fall Out Boy's song lyrics are also characterized by the use of a large number of examples of phonetic compression, which helps in creating the desired rhythmic pattern of the song, and also reflects the intention to use a conversational style of speech, which brings the authors closer to the ordinary listener.*

Keywords: song text, alliteration, apocope, assonance, apheresis, interjections, rhythm, rhyme, syncope, phonetic compression.

References

Chizhova, A. I. (1993). *Rok muzyka kak kul'turno-istoricheskij fenomen* [Rock music as a cultural and historical phenomenon]. [Candidate dissertation, The State Institute for Art Studies].

Dunjasheva, L. G. (2011). *Koncept «svoboda» v afroamerikanskom pesennom diskurse* [The concept of “freedom” in the African-American song discourse]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*, 153, 158–167.

Dunjasheva, L. G. (2013). *Pesennyj diskurs kak objekt izuchenija lingvokul'turologii* [Song discourse as an object of studying linguistic cultural studies]. In *Aktual'nye problemy romanskikh yazykov i sovremennye metodiki ikh prepodavaniya* (pp. 190–197). Kazan': Hehter.

Fairclough, N. (2006). *Language and Globalization*. London and New York: Routledge.

Fall Out Boy lyrics. Retrieved from http://www.amalgam-lab.com/songs/f/fall_out_boy

Golubev, V. A. (1991). *Muzyka v sfere molodezhnogo dosuga* [Music in the field of youth leisure]. Moscow: VNMC.

Knabe, G. S. (2006). Rok-muzyka i rok-sreda kak formy kontrkul'tury [Rock music and the rock environment as forms of counterculture]. In *Izbrannye trudy. Teorija i istorija kul'tury* (pp. 20–50). Moscow and Saint-Petersburg: Letnij sad.

Korolev, O. K. (2006). *Kratkij enciklopedicheskiy slovar' dzhaza, rok- i pop- muzyki. Terminy i ponyatiya* [Short encyclopedia of jazz, rock and pop music. Terms and concepts]. Moscow: Muzyka.

Lich, E. (2001). *Kul'tura i kommunikaciya: Logika vzaimosvyazi simvolov. K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v social'noj antropologii* [Culture and communication: The Logic of the Relationship of Symbols. On the use of structural analysis in social anthropology]. Moscow: Vostochnaya literatura.

Mokrova, N. I. (2009). *Pesnya kak yavlenie kompleksnogo haraktera* [Song as a phenomenon of complex character]. *Vestnik IrGTU*, 1, 161-162.

Morozov, A. Ju. (2002). Rechevye osobennosti social'nogo dialekta "BLACK ENGLISH" v proizvedenijah pesennogo tvorchestva afro-amerikancev [Speech features of the social dialect "BLACK ENGLISH" in the works of African American songwriting]. *Jazyk v prostranstve i vremeni* (pp. 113–115). Vol. 1. Samara: SamGPU.

Plotnickij, Yu. E. (2005). *Lingvostilisticheskie i lingvokul'turnye charakteristiki pesennogo diskursa* [Linguistic-stylistic and linguistic-cultural characteristics of song discourse]. [Candidate dissertation, Samara state pedagogical university].

Queen lyrics. Retrieved from <http://www.amalgam-lab.com/songs/q/queen>.

Troickij, A. (2007). *Back in the USSR*. Saint-Petersburg: TID Amfora.

Voronin, S. V. (2009). *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of phonosemantics]. Moscow: Lenand.

Submitted: 21.01.2021

Accepted: 12.03.2021

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТА)

А. С. Ромейко

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
n_romeiko@mail.com

Аннотация. В статье рассматривается словосложение как один из способов словообразования, который является источником пополнения лексики английского языка на современном этапе. Автор ставит целью проанализировать новые лексические единицы английского языка, созданные посредством словосложения в текстах Интернет-источников 2019–2020 гг. Корпус неологизмов классифицирован на четыре группы: 1) сложные слова, состоящие из полных или усеченных основ; 2) сложные слова, состоящие из одной простой и одной производной основы; 3) сложные слова, один из компонентов которых – сокращения; 4) сложные слова, один из компонентов которых – сложная основа. Как показал анализ материала за 2019-2020 гг., лексический состав английского языка активно пополняется с помощью одного из способов словообразования – словосложения. При этом неологизмы отражают тенденции времени и основные проблемы, волнующие общество в данный период.

Ключевые слова: Интернет-контент, словообразование, словосложение, неологизм, современный английский язык

1. Введение

В начале XXI века число носителей английского языка превысило 1,5 миллиарда человек. Следствием широкого распространения английского языка является активный процесс пополнения словарного состава, отражающего языковые реалии конкретного периода времени. Развитие языка обусловлено в значительной степени развитием его словообразовательной системы, становлением новых словообразовательных моделей слов, изменением существующих, увеличением или уменьшением их продуктивности и многими другими факторами словообразовательного процесса.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что значения слов отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерные для конкретного данного общества в конкретный период времени.

Объектом исследования является словосложение как один из способов словообразования в английском языке на современном этапе.

Предмет – особенности появления новой лексики на основе словосложения в английском языке на примере Интернет-контента.

Цель исследования – изучение особенностей появления новой лексики на основе словосложения в английском языке в текстах сети Интернет.

Слово *контент* происходит от английского слова *content*, что означает 'содержание', 'содержимое', 'сущность' или 'суть'. Согласно опреде-

лению Н. В. Богданова-Катькова, «контент – любое информационно значимое наполнение информационного ресурса (например, веб-сайта) – тексты, графика, мультимедиа – вся информация, которую пользователь может загрузить на диск компьютера с соблюдением соответствующих законодательств, как правило, только для личного пользования» [Богданов-Катьков, 2004, с. 34]. Интернет-контент можно разделить на несколько видов – по назначению, форме подачи, доступности, происхождению и уникальности.

По форме подачи информации контент можно разделить на:

- 1) текстовый;
- 2) визуальный (графика, рисунки, диаграммы, схемы);
- 3) аудио-контент.

По назначению он подразделяется на:

- 1) сервисный контент (контент, который помогает пользоваться сайтом, а именно различные навигации, карта сайта, карта города, различные подсказки, инструкции по пользованию сайтом);
- 2) информационный контент (содержит сведения по тематике сайта);
- 3) рекламный контент.
- 4) пользовательский контент (формируется непосредственно посетителями сайта – различные отзывы, комментарии).

По жанру в текстовом контенте выделяются:

1. Статьи. Основой текстового контента являются статьи, которые содержат информацию, отражающую тематику сайта в наиболее структурированном и полном виде. Все остальные виды контента обычно являются вспомогательными и несут дополнительную к представленным в статьях информацию.

2. Новости сайта. Контент, состоящий только из статей, не является оптимальным для современного сайта, так как не способствует повторному посещению посетителей и удержанию их внимания. Важную роль в актуализации контента играют новости.

3. Интервью. Как отмечает Т. Засорина и Н. Федосова, «в каждом источнике информации есть свои возможности и ограничения. Интервью же – самый субъективный источник информации. Так как, например, разные люди, очевидцы одного и того же события, по-разному о нём рассказывают и часто даже расходятся во мнении» [Засорина, Федосова, 1999, с. 318]. Однако в этом же заключается и положительное свойство этого источника информации – возможность услышать иной взгляд на проблему, оценить ситуацию с другой точки зрения. В настоящее время интервью является очень популярным жанром среди зрителей.

4. Ответы на вопросы посетителей. Не все сайты приспособлены к данному источнику текстового контента. Однако существуют сайты, где созданы различные условия для того, чтобы посетители могли задать любые интересующие их вопросы, на которые отвечают консультанты сайта.

Такой способ позволяет добыть интересный и полезный контент, который в дальнейшем становится отличным стимулом для проявления активности на сайте.

На современном этапе очевидно, что интерес адресата информации перемещается от традиционных источников информации (газеты, журналы, телевидение) в Интернет, поэтому важно понимать, как пополняется лексика одного из основных мировых языков на примере Интернет-контента.

Существуют разные способы обогащения словарного состава языка, а именно заимствование, словообразование, которое включает в себя конверсию, аффиксацию, словосложение и сокращение, а также неологизмы. Как показывает анализ, словосложение – один из наиболее продуктивных видов словообразования в современном английском языке. Сложные слова дают возможность полнее выразить новые понятия и составляют существенную часть словарного состава современных языков. Как отмечала В. И. Заботкина, с помощью словосложения и словопроизводства в английском языке в среднем за год появляется 800 новых слов – больше, чем в любом другом языке [Заботкина, 1989, с. 125]. В современном языке данный тип словообразования по-прежнему очень востребован.

Согласно определению В. А. Виноградова, которого мы будем придерживаться в данной статье, «словосложение – это один из способов словообразования, состоящий в морфологическом соединении двух или более корней (основ)» [Виноградов, 1998, с. 469]. В. В. Елисеева утверждает, что «словосложение может быть передано формулой «основа + основа», в результате чего образуется сложное слово (compound word). Сложению могут подвергнуться простые основы (*cowboy, blackboard, spaceship*, etc.), а также простая основа и основа производная (*pen-holder, match-maker, babysitter*). Способ соединения основ может быть нейтральным, когда обе основы соединяются «встык» (*eye-brow, sunrise, schoolgirl*), и с помощью соединительного элемента (*handicraft, tradesman, mother-of-pearl*)» [Елисеева, 2005, с. 80].

Учет структуры компонентов сложных слов дает различные классификации. В данной работе мы будем придерживаться классификации О. Д. Мешкова, который подразделяет слова, образованные с помощью словосложения, следующим образом:

а) сложные слова, состоящие из полных основ или усеченных (*heartache* ‘сердечная боль’, *blackbird* ‘дрозд’ и др.);

б) сложные слова, состоящие из одной простой и одной производной основы (*maid-servant* ‘служанка’, *mill-owner* ‘фабрикант’).

в) сложные слова, один из компонентов которых – сокращения (*V-day* ‘День Победы’, *A-bomb* ‘атомная бомба’);

г) сложные слова, один из компонентов которых – сложная основа (*postmaster-general* ‘министр почт’) [Мешков, 1979, с. 187].

2. Материал и методика исследования

В данной работе было проведено исследование статей за 2019–2020 гг. в сети Интернет на предмет новой лексики. В основном статьи содержали новые слова, которые связаны с социальными сетями или коммуникационными технологиями, а также с пандемией COVID-19, занявшей центральное место среди актуальных тем рассматриваемого периода.

В проанализированном корпусе было зафиксировано 32 новые лексемы, образованные с помощью словосложения, в английском языке. Новая лексика распределялась в соответствии с классификацией О. Д. Мешкова, определялось значение неологизмов и механизмы их образования (отдельно для 2019 г. и 2020 г.).

3. Анализ примеров словосложения как способа пополнения лексики современного английского языка

Ниже приведен список новых слов за 2019 год, которые в своей структуре сочетают 2 полные или усеченные основы. Ср.:

– *easy-breezy* – данное слово образовалось путем сложения простой основы *easy* ‘легко’ и производной основы *breezy* ‘свежий’. На русский язык можно перевести как ‘расслабленное, легкое и беззаботное состояние’. Ср.:

I woke up today feeling easy-breezy (BBC News. 2019. *Simples, whatevs and Jedi added to Oxford English Dictionary*).

– *hopepunk* – данный неологизм связан с искусством и образовался путем сложения двух полных основ *hope* ‘надежда’ и *punk* ‘панк’. На русский язык переводится как ‘форма искусства с оптимистичными и многообещающими сюжетами и темами’. Ср.:

Hopepunk is part of a wider cultural and storytelling trend toward optimism and positivity (The Guardian. 2019. *In need of relentless optimism? The 10 best ‘hopepunk’ shows to binge now*).

– *sadfishing* – лексема образовалась путем сложения двух слов: *sad* ‘печаль’ и *fishing* ‘рыбалка’. На русский язык это слово можно перевести как ‘практика в социальных сетях, когда люди пишут о своих несчастьях или эмоциональных проблемах с целью привлечь внимание и сочувствие’. Ср.:

David been sadfishing all day on Twitter (BBC News. 2019. *‘Sadfishing’ social media warning from school heads*).

– *sponcon* – данное слово образовалось путем соединения двух усеченных основ *sponsored* и *content*, что означает ‘спонсируемый контент’: *Sponcon is entwined with influencer marketing, to use the term for one whose habits on social media are likely to be copied by that person’s followers* (Vox. 2019. *The latest Instagram influencer frontier? Medical promotions*).

– *chewy* – данный неологизм образовался путем соединения двух усеченных основ: *chewing* и *gum*, которые в сочетании обозначают ‘жевательную резинку’. Стоит также отметить, что вторая основа *gum* сократи-

лась с помощью ассимиляции до буквы у: *Can I have some chewy, please?* (BBC News. 2019. *Simples, whatevs and Jedi added to Oxford English Dictionary*).

– *finsta* – слово образовано путем сложения двух усеченных основ: *fake* ‘поддельный’ и ‘Instagram’. На русский язык эту лексему можно перевести как ‘второй, закрытый, пользовательский аккаунт в Instagram у одного человека, который хочет скрыть часть своей жизни от широких масс, выкладывая в нем фотографии или что-либо еще’. Ср.:

I made a Finsta a couple of years ago (BBC News. 2019. *Why Generation Z are choosing ‘Finsta’ over ‘Insta’*).

– *femtech* – данное слово образовалось путем сложения двух усеченных основ: *female* ‘женский’ и *technology* ‘технологии’. На русский язык это слово можно перевести как ‘технологии, которые позволяют следить за женским здоровьем’. Ср.:

Despite its popularity, femtech remains a significantly underdeveloped area of health tech (BBC News. 2019. *Femtech: Right time, wrong term?*).

В ходе анализа было зафиксировано только одно слово, образованное путем сложения одной простой основы и одной производной. Ср.:

– *timeboxing* – данное слово образовалось путем сложения простой основы *time* ‘время’ и производной основы *boxing* ‘упаковка’. На русский язык этот неологизм переводится как ‘техника управления своим временем, когда вы планируете то, что собираетесь делать каждую минуту на следующей неделе’. Ср.:

You really should try that new timeboxing app. Everything I do now is neatly mapped out, it’s amazing (Inc. 2019. *This Is the No. 1 Productivity Hack, According to a Big Study*).

Ниже приведены примеры, которые в своей структуре слова имеют основу и второй компонент – сокращение. Ср.:

– *chillax* – данный неологизм образовался путем сложения простой основы *chill* ‘расслабляться’ и усеченной основы *relax* ‘расслабляться’. Исходный вариант на русский язык переводится так же, как и составляющие этого слова, только имеет более выраженный эмоциональный смысл. Ср.:

John, just chillax, it’s going to be alright (BBC News. 2019. *Simples, whatevs and Jedi added to Oxford English Dictionary*).

– *whexit* – данное слово тесно связано с социальными сетями. Оно образовалось при сложении двух усеченных основ: *WhatsApp* и *exit* ‘выход’. На русский язык переводится как ‘выход из надоевшей группы в WhatsApp’: *My colleague is so annoying in that WhatsApp group, I am really about to make a whexit* (The Print. 2019. *Ten years of WhatsApp: From chat revolution to political weapon to Whexit*).

– *therapet* – слово образовалось путем соединения усеченной основы *therapy* ‘терапия’ и полной основы *pet* ‘животное’. На русский язык переводится как ‘животное, обычно собака, которую специально тренируют,

чтобы помогать и успокаивать больных и пожилых людей, испытывающих стресс и беспокойство’: *Pets as Therapy and Therapet are two prominent visiting programmes in the UK* (The BMJ. 2019. Dogs and cats and miniature ponies, oh my! Meet the therapy pets).

– *sleeponomics* – данный термин образовался путем сложения полной основы *sleep* ‘спать’ и усеченной основы слова *economics* ‘экономика’. На русский язык переводится как ‘деньги, которые тратятся на различные продукты, лекарства и методы, помогающие нам лучше спать’. Ср.:

The latest commodity we’re being persuaded to invest in is products to help us sleep, fuelled by a booming sleeponomics industry in a sleep-deprived South Korea (The Korea Times. 2019. ‘Sleeponomics’ growing rapidly in Korea).

– *cleanstagrammer* – данное слово тесно связано с социальными сетями, а именно с сетью Instagram. Оно образовалось путем сложения полной основы *clean* и усеченной, производной основы названия этой соц. сети. На русский язык это слово можно перевести как ‘блогер, который в Instagram дает советы по уборке дома, переработке мусора и т.д.’. Ср.:

Twelve years on, Bray, 37, is better known as “The Organised Mum” to her 142,000 Instagram followers, and part of the cleanstagrammer boom sweeping across social media (The Telegraph. 2019. The truth about ‘cleanstagrammers’: does obsessive tidying have a dark side?).

– *frenemy* – данный неологизм образовался путем сложения усеченной основы *friend* ‘друг’ и полной основы слова *enemy* ‘враг’. На русский язык данное слово переводится как ‘человек, который является вашим другом, но не упустит возможности как-либо вас задеть колкими фразами’. Ср.:

He was happy that I completed my project so quick but made sure to tell me his was faster. He is such a frenemy (NCBI. 2019. Friends or Frenemies? The Role of Social Technology in the Lives of Older People).

В материалах за 2019 год не было обнаружено слов, в структуре которых один из компонентов является сложной основой, а второй – полной или усеченной.

Далее будут рассмотрены и распределены в соответствии с классификацией О. Д. Мешкова слова, найденные в статьях за 2020 г. К первой группе слов, где в структуре слова имеются две полные или усеченные основы относятся:

– *to broast* – данное слово образовалось с помощью сложения двух усеченных основ от глаголов *to broil* ‘жарить на открытом огне’ и *to roast* ‘запекать в закрытой посуде’. Таким образом, *to broast* обозначает ‘способ приготовления пищи, в котором открытый огонь и запекание совмещены’. Ср.:

The first thing you need to know about broasted chicken is that you must plan ahead (Bosspizzaandchicken. 2019. How to make broasted chicken).

– *catfishing* – данный термин связан с социальными сетями. Он образовался путем слияния двух основ: *cat* ‘кот’ и *fishing* ‘рыбалка’. На русский язык переводится как ‘использование выдуманной биографии и истории для того, чтобы привлечь собеседника и начать виртуальный роман’. В наши дни знакомство в интернете стало таким популярным, что термин *catfishing* плотно вошел в обиход. Ср.:

Catfishing is a relatively new social phenomenon that happens online (Insider. 2020. Coronavirus lockdowns create fertile ground for catfishers on dating apps, and the stress of it all may make the victims more willing to believe them).

– *earworm* – данное слово образованно путем слияния двух полных основ: *ear* ‘ухо’ и *worm* ‘червь’. На русский язык переводится как ‘навязчивая мелодия или песня, которая все время крутится в голове’. Ср.:

I find earworms can be removed by doing anagrams in your head (New Science. 2020. Let it go: How does an earworm get in and how do you get it out?).

– *videopooper* – данное слово образовалось путем сложения двух основ: *video* и *pooper* ‘зануда’. На русский язык переводится как ‘человек, который снимает видео обзоры на видео других людей’. Ср.:

The serial pooper has been caught on camera at least twice this month (New York Post. 2020. Serial pooper caught on video in Staten Island — but cops can't help).

Ко второй группе слов, где в структуре присутствуют одна простая основа и вторая – производная относится:

– *overparenting* – данное слово было образованно путем сложения основы слова *over* ‘сверх’ и производной формы основы *parenting* ‘опекавание’. На русский язык переводится как ‘чрезмерная родительская забота, которая оборачивается во вред ребенку’. Ср.:

Overparenting refers to a parent's attempts to micromanage their child's life (Northjersey.com. 2020. Bulldozer parents.).

Из-за пандемии COVID-19 большая часть населения сидит дома на карантине и обращается к социальным сетям в качестве источника информации о ситуации в мире. Так, в течении самоизоляции в лексиконе возникли новые слова, которые связаны с коронавирусом. Ниже приведены примеры новой лексики. Также эти слова разделены по группам в соответствии с классификацией. К первой группе слов относятся:

– *coronaphobia* – данное слово образовалось в результате сложения усеченной основы от слова *coronavirus* ‘коронавирус’ и полной основы слова *phobia* ‘страх’ и обозначает ‘боязнь заболеть коронавирусом’. Ср.:

We've lost half the audience to the show tonight due to coronaphobia (Dr. Michael Laitman. 2020. What Coronaphobia Tells about Human Nature).

– *covidiot* – данный неологизм образовался в результате сложения усеченной основы от слова *coronavirus* и полной основы слова *idiot*, которое обозначает ‘человека, сильно паникующего из-за коронавируса’. Ср.:

That covidiot is hugging everyone she sees (Psychology Today. 2020. The Year of Quaratinis and Covidiots).

– *qurantini* – это слово образовалось в результате сложения двух усеченных основ: *quarantine* ‘карантин’ и *martini* ‘мартини’. На русский язык переводится как ‘любой коктейль, который люди готовят дома во время самоизоляции, ингредиенты могут быть любыми’. Ср.:

You're your own bartender now, so why not try making a qurantini? (Psychology Today. 2020. The Year of Quaratinis and Covidiots).

– *quarantimates* – это слово образовалось в результате сложения усеченной основы *quarantine* и полной основы *mates* ‘товарищи’ с помощью соединительного элемента *i*. На русский язык переводится как ‘люди, которые вместе помещены на карантин по своей воле или же против нее’. Ср.:

These two were quarantimates at the special facility built by the government during the coronavirus outbreak (Psychology Today. 2020. The Year of Quaratinis and Covidiots).

– *quaranteen* – данное слово образовалось в результате сложения усеченной основы слова *quarantine* и полной основы *teen* ‘подросток’, что означает ‘тинейджера, который заперт дома на карантине’. Ср.:

Some quaranteens were scared they wouldn't graduate because of the virus (Psychology Today. 2020. The Year of Quaratinis and Covidiots).

– *covidorce* – данное слово образовалось путем слияния двух слов: *covid* и *divorce* ‘развод’, где соединительным элементом является буква *d*. Данное слово имеет значение того, что ‘за время карантина возросло количество разводов’. Ср.:

Family lawyers are going to be busy as a rise in Covidorces happen (Green Queen. 2020. Coronavirus Vocabulary).

– *coronapocalypse* – данное слово образовалось в результате сложения двух слов: *corona* и *apocalypse*, где соединительным элементом является буква *a*. При переводе на русский язык означает, что ‘пандемия является апокалипсисом’. Ср.:

The coronapocalypse will end all of us (Dictionary.com. 2020. New Words We Created Because Of Coronavirus).

– *doomscrolling* – данное слово образовалось в результате сложения двух слов: *doom* и *scrolling*, которое означает ‘просмотр ленты новостей на каком-либо электронном носителе о том, что человечество обречено’. Ср.:

Stop doomscrolling, It's only going to make you feel worse! (Psychology Today. 2020. The Year of Quaratinis and Covidiots).

– *zumping* – данное слово образовалось в результате сложения двух усеченных основ: *zoom* и *dumping* ‘выгрузка’. При переводе на русский язык означает ‘расставание с партнером в Zoom по видеосвязи’. Ср.:

I will plan on zumping my girlfriend today (Psychology Today. 2020. The Year of Quaratinis and Covidiots)

– *covexit* – данное слово образовалось в результате сложения усеченной основы слова *covid* и полной основы слова *exit* ‘выход’, означающее ‘постепенное ослабление ограничений, введенных из-за коронавируса’. Ср.:

Covexit enables small businesses to create an easy-to-use online shop to be able to master the corona crisis (The Conversation. 2020. Coronavirus has led to an explosion of new words and phrases – and that helps us cope).

– *covirate* – данное слово образовалось в результате сложения двух полных основ: *covid* и *date* ‘свидание’, где соединительным элементом является буква «d», и означает ‘свидание во время карантина’. Ср.:

I am going to have food delivered so I can covirate my husband (Lichess.org. 2020. "Covidates" 2020, Round 2 Report).

– *coronadodge* – данное слово возникло в результате сложения двух слов: *coronavirus* и *dodge* и обозначает ‘избегание физического контакта с окружающими людьми в общественных местах’. Ср.:

I walked down the sidewalk where were several coronadodged (CTV News. 2020. ‘Coronadodge,’ ‘isobar,’ and ‘zumped’: Linguist catalogues more than 1K words from pandemic).

Ко второй группе слов относится:

– *hamsterkaufing* – данное слово перешло в английский язык из немецкого. Оно образовалось в результате сложения полной основы *hamster* ‘хомяк’ и производной основы *kaufing* ‘закупка’, означающее ‘запасаться впрок’. Ср.:

Germans are doing a bit of hamsterkaufing (The Canberra Times. 2020. Diary of an Optimist).

По итогам исследования статей в 2020 г. не было обнаружено слов, в составе которых один из компонентов – сокращение, а также тех, в структуре которых один из компонентов – сложная основа.

Статистические результаты исследования приведены в Таблице 1.

Таблица 1 – Процентное соотношение новой лексики, образованной путем словосложения в статьях за 2019-2020 гг.

Вид словосложения	Соотношение (%)
Одна из основ – сокращение	26
Одна простая основа и одна производная основа	8
Две полные или усечённые основы	66
Одна из основ – сложная	0
Всего:	100

4. Заключение

Исходя из полученных данных, можно сделать следующие выводы:

1) словосложение относится к продуктивным способам словообразования в современном английском языке;

2) вид словосложения, при котором один из компонентов представлен сложной основой, является непродуктивным в современном английском языке;

3) выявлено 8% примеров новых слов, в структуре которых один из компонентов – производная основы.

4) выявлено 26% новых слов, в структуре которых один из компонентов – сокращение.

5) неологизмы, в структуре которых имеются две полные или усеченные основы, составили большую часть из всей найденной новой лексики – 66%, что свидетельствует о том, что данный способ словосложения самый востребованный в современном Интернет-контенте на английском языке. Можно предположить, что востребованность данного способа определяется тем, что он является наиболее простым по сравнению с остальными способами. Востребованность же самых простых способов словообразования может быть связана с интернационализацией английского языка, ведущей к его упрощению.

Подводя итоги исследования словосложения на примере Интернет-контента, необходимо отметить, что лексический состав современного английского языка находится в тесной зависимости от экстралингвистической действительности. Новые слова отражают тенденции времени и основные проблемы, волнующие общество в данный период.

Список литературы

Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. – Люберцы : Юрайт, 2016. – 287 с. – Текст : непосредственный.

Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – Москва : Флинта, 2014. – 376 с. – Текст : непосредственный.

Бабич, Г. Н. Lexology: A Current Guide. Лексикология английского языка / Г. Н. Бабич. – Москва : Флинта, 2013. – 200 с. – Текст : непосредственный.

Барсукова, Е. А. Неологизмы английского языка как отражение социально-экономических преобразований в Великобритании / Е. А. Барсукова. – Текст : непосредственный // Россия и Запад: диалог культур. – 2014 – № 6 – С. 1–15.

Богданов-Катьков, Н. В. Интернет. Новейший справочник / Н. В. Богданов-Катьков. – Москва : Эксмо, 2004. – 34 с. – Текст : непосредственный.

Виноградов, В. А. Словосложение. – Текст : непосредственный // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / В. А. Виноградов. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Елисеева, В. В. Лексикология английского языка / В. В. Елисеева. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2005. – 80 с. – Текст : непосредственный.

Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – Москва : Высшая школа, 1989. – 125 с. – Текст : непосредственный.

Засорина, Т. Профессия – журналист / Т. Засорина, Н. Федосова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – 318 с. – Текст : непосредственный.

Иванова, Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка / Е. В. Иванова. – Москва : Академия, 2015. – 400 с. – Текст : непосредственный.

Кодухов, В. И. Общее языкознание / В. И. Кодухов. – Москва : ЛКИ, 2008. – 302 с. – Текст : непосредственный.

Мешков, О. Д. Комбинирующие формы сложных слов на материале современного английского языка / О. Д. Мешков. – Москва : Наука, 1979. – 187 с. – Текст : непосредственный.

Мишутинская, Е. А. О способах образования неологизмов в современном английском языке / Е. А. Мишутинская, Л. Н. Пономаренко. – Текст : непосредственный // Таврический научный обозреватель. – 2017. – №7. – С. 24–25.

Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе / А. А. Уфимцева. – Москва : Дрофа, 2007. – 152 с. – Текст : непосредственный.

Шалева, Г. Английский язык / Г. Шалева. – Москва : Эксмо, 2006. – 288 с. – Текст : непосредственный.

Labov, W. Principles of Linguistic Change / W. Labov // Social Factors. – 2011. – Vol. 2. – P. 572– 576. – Текст : непосредственный.

Статья получена: 31.01.2021

Статья принята: 30.03.2021

WORD-COMPOSITION AS THE WAY OF REPLENISHING THE VOCABULARY OF PRESENT-DAY ENGLISH (THE CASE STUDY OF INTERNET CONTENT)

A. S. Romeyko

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
n_romeiko@mail.com

Abstract. The article deals with word-composition as one of the ways of word formation, which is a source of replenishing the vocabulary of present-day English. The author

aims to analyze the new lexical units of the English language created with the help of word-composition in the texts of Internet sources within 2019-2020. The corpus of neologisms is classified into four groups: 1) complex words consisting of full or truncated stem; 2) complex words consisting of one simple and one derivative stem; 3) complex words, one of the components of which is an abbreviation; 4) complex words, one of the components of which is a complex stem. As the analysis of the material for 2019-2020 showed, the lexical structure of the English language is actively supplementing with the help of one of the methods of word formation – word-composition. In addition, neologisms reflect the tendencies of the time and the main problems that concern society in this period.

Key words: Internet content, word formation, word composition, neologism, modern English.

References

Antrushina, G. B., Afanas'eva, O. V., Morozova, N. N. (2016). *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of the English Language: Textbook and Practical Course for Academic Undergraduate Studies]. Lyubertsy: Yurayt.

Arnol'd, I. V. (2014). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology of Modern English]. Moscow: Flinta.

Babich, G. N. (2013). *Lexicology: A Current Guide. Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology: A Current Guide. Lexicology of the English language]. Moscow: Flinta.

Barsukova, E. A. (2014). Neologizmy angliyskogo yazyka kak otrazhenie sotsial'no-ekonomicheskikh preobrazovaniy v Velikobritanii [Neologisms of the English language as a reflection of socio-economic transformations in the UK]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur*, 6, 1–15.

Bogdanov-Kat'kov, N. V. (2004). *Internet. Novejshij spravochnik* [the Internet. The latest reference guide]. Moscow: Eksmo.

Eliseeva, V. V. (2005). *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of the English language]. Saint-Petersburg, SPbGU.

Ivanova, E. V. (2015). *Leksikologiya i frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka: Uchebnoe posobie* [Lexicology and Phraseology of modern English: A textbook]. Moscow: Akademiya.

Kodukhov, V. I. (2008). *Obshchee yazykoznanie* [General Linguistics]. Moscow: LKI.

Labov, W. (2011). Principles of Linguistic Change. *Social Factors*, 2, 572– 576.

Meshkov, O. D. (1979). *Kombinirujushhie formy slozhnykh slov na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka* [Complex structures of words based on the material of the modern English language]. Moscow: Nauka.

Mishutinskaya, E. A., & Ponomarenko, L. N. (2017). O sposobakh obrazovaniya neologizmov v sovremennom angliyskom yazyke [About the ways of

formation of neologisms in modern English]. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel'*, 7, 24–25.

Shaleva, G. (2006). *Angliyskiy yazyk* [English language]. Moscow: Eksmo.

Ufimtseva, A. A. (2007). *Slovo v leksiko-semanticheskoy sisteme* [A word in the lexico-semantic system]. Moscow: Drofa.

Vinogradov, V. A. (1998). Slovosochetanie [Collocation]. *Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'*. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija.

Zabotkina, V. I. (1989). *Novaja leksika sovremennogo anglijskogo jazyka* [New lexis of the English language]. Moscow: Vysshaja shkola.

Zasorina, T. (1999). *Professija – zhurnalist* [Profession – the journalist]. Rostov-on-Don: Feniks.

Submitted: 31.01.2021

Accepted: 30.03.2021

Информация для авторов

Правила предоставления рукописей

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов в области истории и филологии.

К рассмотрению принимаются статьи, представляемые к публикации впервые, не опубликованные ранее и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Статья должна содержать результаты выполненного авторами самостоятельно оригинального исследования, характеризующиеся отчетливой научной новизной, актуальностью, теоретической и практической значимостью.

Все статьи проходят проверку на плагиат.

Редакция принимает материалы объемом от 20 до 40 тыс. знаков с пробелами (1 авт. л.). Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов — до 8 тыс. знаков. По согласованию с редакцией журнала объем текста может быть увеличен.

В редакцию высылаются:

1. Файл с текстом статьи (именуется «Фамилия_первые слова названия статьи»).

2. Файл «Фамилия_данные об авторе», в которой помещается следующая информация:

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Официальное наименование места работы, должность, учёная степень, учёное звание автора.
- Контактная информация (служебный адрес с почтовым индексом, номер телефона, электронная почта).
- Название статьи.

3. Подписанный текст согласия (сканированная копия) на опубликование в открытой печати текста статьи и индивидуальных сведений автора (авторов). Образец бланка согласия представлен в Приложении 2.

4. Для работ авторов, не имеющих ученой степени, требуется рекомендация научного руководителя или рекомендация кандидата/доктора наук по специальности статьи в виде сканированного текста с подписью и контактными данными. Файл именуется «Фамилия_Рекомендация».

Тексты высылаются в форматах .doc, .docx, .rtf. Электронные версии рисунков (в форматах .bmp, .png, .jpg, .tif) высылаются отдельными пронумерованными файлами (названия файлов: «рис. 1.», «рис. 2» и т.д.).

Адрес для отправки материалов по электронной почте: uzntgspi@yandex.ru

Статьи, оформленные с нарушением требований журнала, возвращаются авторам на доработку.

Требования к оформлению статей в журнале «Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология»

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 2 см, левое и правое — 2,5 см. Шрифт Times New Roman, кегль 14. Интервал одинарный, абзацный отступ 1 см.

Ссылки оформляются согласно ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Например: [Иванов, 1999, с. 56], [Теория метафоры, 1990, с. 67], [Лакофф, 2001; Чудинов, 2001].

В лингвистических статьях иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение и т. п.) в тексте статьи выделяется курсивом. Толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки ‘...’. Ссылка на источник приводимого иллюстративного материала дается после примера в круглых скобках (внутритекстовая ссылка): *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Новая газета. 2007. № 7).

Источники оформляются в виде нумерованного списка литературы в алфавитном порядке. Библиографические записи в списке литературы оформляются согласно ГОСТ 7.80-2000 «Библиографическая запись. Заголовок», ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы

Книги одного автора

Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 151 с. – Текст : непосредственный.

Книги двух авторов

Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Москва : Наука : Флинта, 2008. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Книги трех авторов

Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова : учебное пособие. – 2-е изд. – Москва : Дрофа, 2000. – 288 с. – Текст : непосредственный.

Книги четырех авторов

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

Книги пяти и более авторов

Распределенные интеллектуальные информационные системы и среды / А. Н. Швецов, А. А. Суконщиков, Д. В. Кочкин [и др.]. – Курск : Университетская книга, 2017. – 196 с. – Текст : непосредственный.

Книги под заглавием

Теория метафоры : сборник научных статей / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Прогресс, 1990. – 512 с. – Текст : непосредственный.

Диссертации

Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кушнерук Светлана Леонидовна ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2016. – 567 с. – Текст : непосредственный.

Авторефераты диссертаций

Величковский, Б. Б. Функциональная организация рабочей памяти : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Величковский Борис Борисович ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 44 с. – Текст : непосредственный.

Многотомное издание в целом

Голсуорси, Д. Сага о Форсайтах : в 2 томах. / Д. Голсуорси ; перевод с английского М. Лорие [и др.]. – Москва : Время, 2017. – Текст : непосредственный.

Статьи из журналов

Серио, П. От любви к языку до смерти языка / П. Серио. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 118–123.

Вепрева, И. Т. Перезагрузка / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 119–122.

Влияние психологических свойств личности на графическое воспроизведение зрительной информации / С. К. Быструшкин, О. Я. Созонова, Н. Г. Петрова [и др.]. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 4. – С. 136–144.

Статьи из сборников, книг

Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – Москва : Издательство МГУ, 1997. – С. 276–339.

Электронные ресурсы локального доступа

Основы системного анализа и управления : учебник / О. В. Афанасьева, А. А. Клавдиев, С. В. Колесниченко, Д. А. Первухин. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Романова, Л. И. Английская грамматика : тестовый комплекс / Л. Романова. –

Москва : Айрис : MagnaMedia, 2014. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст. Изображение. Устная речь : электронные.

Электронные ресурсы сетевого распространения

Яницкий, М. С. Ценностная детерминация инновационного поведения молодежи в контексте культурно-средовых различий / М. С. Яницкий. – Текст : электронный // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 34. – С. 26–37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13024552> (дата обращения: 29.05.2018).

В статье приводятся данные об авторах, аннотация (100–150 слов), ключевые слова и список литературы на английском языке, оформленный согласно требованиям APA Style. На сайте <http://translit.ru/> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (последовательность действий: выбираем стандарт BGN, помещаем библиографические ссылки из русскоязычного списка в рабочее поле и нажимаем кнопку «в транслит», копируем получившийся текст). После транслитерации названия источника приводится его перевод на английский язык в квадратных скобках.

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы на английском языке (APA Style)

Книги

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. London: Publisher.

Jones, A.F. & Wang, L. (2011). *Spectacular creatures: The Amazon rainforest* (2nd ed.). San Jose: Publisher.

Williams, S.T. (Ed.). (2015). *Referencing: A guide to citation rules*. New York: Publisher.

Глава в книге

Troy, B.N. (2015). APA citation rules. In S.T. Williams (Ed.), *A guide to citation rules* (pp. 50–95). New York: Publishers.

Статьи в журналах

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81–95.

Диссертация

Kabir, J. M. (2016). *Factors influencing customer satisfaction at a fast food hamburger chain* [Doctoral dissertation, Wilmington University].

Электронный текст

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81-95. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Образец оформления статьи

УДК 811.111'42

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРСОНАЖИ КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

А. Б. Иванов

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
ivanov@gmail.com

П. Н. Петров

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
petrov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются прецедентные имена из сферы-источника «Литература» в СМИ Великобритании (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) за последние десять лет (2010—2019). Для изучения данных прецедентных имен применялись когнитивно-дискурсивный анализ и приемы лингвокультурологического описания. Сделан вывод о том, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным источником прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров, составляющего 400 прецедентных имен). Выявлено, что британские журналисты регулярно обращаются в своих текстах к именам героев из классических произведений английской литературы. Вместе с тем показано, что ведущее место по частотности актуализации и продуктивности занимают прецедентные имена, ставшие популярными в последние десятилетия, что в первую очередь относится к героям романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Таким образом, анализ показал, что функционирование прецедентных имен зависит не только от когнитивных и культурных, но и от дискурсивных факторов.

Ключевые слова: прецедентное имя; прецедентные феномены; интертекстуальность; СМИ Великобритании; дискурс СМИ; литературные персонажи.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 01-234-56789.

1. Введение

Отличительной чертой современной массовой коммуникации является активное использование прецедентных имен (далее — ПИ) [Богоявленская, 2015; Будаев, 2019; Гудков, 2020; Зырянова, 2016; Нахимова, 2011]. Согласно определению В. В. Красных, ПИ — «индивидуальное имя, свя-

занное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Красных, 2002, с. 172].

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужили ...

В настоящей работе используется методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником «Литературные персонажи».

3. Анализ

Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.

Таблица 1 – Название таблицы

U	A (%)	B (%)
X	8	14,6
Y	92	85,4
Всего:	100	100

Текст. Текст.

4. Заключение

Итак, наши наблюдения показывают, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным ресурсом прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров ПИ). Особенность функционирования ПИ из данной сферы-источника заключается в том, что...

Список литературы

Богданович, Г. Ю. Библейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма / Г. Ю. Богданович, Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал. — Текст : непосредственный // Язык и культура. — 2019. — № 47. — С. 8–20.

Гудков, Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь / Д. Б. Гудков. — Москва : Ленанд, 2020. — 200 с. — Текст : непосредственный.

Budaev, E. V. Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Текст : непосредственный // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. — 2017. — Vol. 1. — P. 60– 67.

Kennedy, V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy. – Текст : непосредственный // *Metaphor and Symbol*. – 2000. – Vol. 15. – № 4. – P. 252– 265.

LITERARY CHARACTERS AS A SOURCE DOMAIN OF PRECEDENT NAMES IN THE UK MEDIA

A. B. Ivanov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
ivanov@gmail.com

P. N. Petrov

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
petrov@gmail.com

Abstract. The article deals with precedent names from the source domain “Literature” in the UK media (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) over the past ten years (2010–2019). The methods of cognitive-discourse analysis and cultural description of language were used to study the precedent names. It is concluded that the source domain “Literary characters” is the most demanded source of precedent names in the British media (26 % of the total body of examples, which is 400 precedent names). It was revealed that British journalists regularly refer to the names of characters from the classical works of English literature in their texts. At the same time, it is shown that the leading place in terms of frequency of actualization and productivity is occupied by precedent names that have become popular in recent decades and which primarily refer to the characters of J. Rowling's Harry Potter novels. Thus, the analysis showed that the functioning of precedent names depends not only on cognitive and cultural, but also on discursive factors.

Key words: precedent name; precedent phenomena; intertextuality; UK media; media discourse; literary characters.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 01-234-56789

References

Bogdanovich, G. Yu., Nakhimova, E. A., & Segal N. A. (2019). Bibleyskiye motivy kak istochnik formirovaniya mediynogo obraza Kryma [Biblical motives as the source of the creation of media image of the Crimea]. *Yazyk i kultura*, 47, 8–20.

Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2017). Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 60–67.

Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis.

Kennedy, V. (2000). Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo. *Metaphor and Symbol*, 15, 252–265.

Бланк согласия на обработку персональных данных

СОГЛАСИЕ

на обработку персональных данных

Я,

нижеподписавшийся

фамилия. имя, отчество

проживающий

ПО

адресу

индекс, область, район, населенный пункт, улица, дом, корпус

ДОКУМЕНТ,
НОСТЬ

удостоверяющий

ЛИЧ-

название, серия, номер

кем и когда выдан

в соответствии с требованиями статьи 9 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ, подтверждаю свое согласие на обработку Нижнетагильским государственным социально-педагогическим институтом (филиалом) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (далее – НТГСПИ) моих персональных данных, включающих:

- фамилия, имя, отчество;
- дата рождения;
- образование;
- профессия;
- место работы;
- данные паспорта;
- место фактического жительства и домашний телефон;
- адрес электронной почты.

Я не возражаю против включения в общедоступные источники следующих моих персональных данных:

- фамилия, имя, отчество;
- образование, специальность;
- место работы,
- адрес электронной почты.

В период действия соглашения я предоставляю работникам НТГСПИ право осуществлять любое действие (операцию) или совокупность действий (операций), с использованием средств автоматизации или без использования таких средств с персональными данными, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ).

Я оставляю за собой право отозвать свое согласие посредством составления соответственного письменного документа, который может быть направлен мной в НТГСПИ по почте заказным письмом с уведомлением о вручении.

Я осознаю, что в случае отзыва согласия на обработку персональных данных работники НТГСПИ вправе продолжить обработку персональных данных без моего согласия при наличии оснований, указанных в пунктах 2-11 части 1 статьи 6, части 2 статьи 10 и части 2 статьи 11 настоящего Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.

Настоящим заявлением я подтверждаю достоверность предоставленных мной сведений.

Настоящее согласие дано мной « » 20 г.

Подпись субъекта персональных данных